

Солженицынские **ТЕТРАДИ**

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Григорю Тицебинде,
Ректору

Высшей школы в Красно,
группе.

Лай. Солженицын

19 мая 2017

Г. Пшебинда

СОЛЖЕНИЦЫН И ПОЛЬША. ГОДЫ 1962–1989

Буквально на второй день после публикации в журнале «Новый мир» «Одного дня Ивана Денисовича» свет увидел польский перевод произведения, опубликованный в десяти номерах — с 1 декабря 1962-го по 2 февраля 1963 года¹ — либерального по тогдашним меркам варшавского еженедельника «Политика». Переводчиками рассказа, сразу ставшего сенсацией в кругах польской интеллигенции, были поэт Витольд Домбровский и его жена Ирэна Левандовская. Переводчица вспоминала об этом в интервью, данном почти полвека спустя, сразу после кончины Александра Исаевича в августе 2008: «Кто-то из моих знакомых... прочитал в “Литературной газете”, что в русском литературном журнале “Новый мир” появился такой рассказ. Мы получили этот текст, прочитали и сразу решили, что нужно его перевести. Начав, не могли закончить. Риск принятия решения взял на себя заместитель главного редактора “Политики” Михал Радговский <...>. “Политика” начала печатать фрагментами. Тираж вырос, что вызвало беспокойство “наверху”. Пришло требование ускорить работу по переводу и закончить весь цикл как можно скорее. Поэтому вместо полуклонки печаталась целая колонка рассказа Солженицына. Мы переводили понедельно, так что качество первого перевода было так себе». А на вопрос журналиста о последовавших каких-либо контактах с Солженицыным переводчица отвечала: «Никогда. Мы ему отправили через кого-то вырезки из “Политики”. Он взял, принял к сведению, но с нами не связался. У Солженицына были тогда уже совсем другие проблемы. Наш товарищ, который говорил с ним, рассказывал, что слово “ага” стало его единственной реакцией на перевод»².

---

¹ Публикуя вторую часть рассказа в номере от 8 декабря 1962 года, редакция «Политики» снабдила текст перевода небольшой статьей «Разговор с Солженицыным» корреспондента АП «Новости» Виктора Буханова. Из этой статьи польский читатель мог почерпнуть основные биографические данные о писателе, о котором тогда не было ничего известно не только в Польше: *Rozmowa z Sołżenicynem // Polityka. 1962. 8 grudnia. № 10. S. 12.*

² *Lewandowska I. Sołżenicyn w druku, nakład «Polityki» rośnie: Rozmowa z Ireną Lewandowską, pierwszą polską tłumaczką Sołżenicyna i dziennikarką «Gazety» / rozmawiał Marcin Wojciechowski // Gazeta Wyborcza. Warszawa. 2008. 5 sierpnia. № 182. S. 14. Пер. Дм. Клебанова (далее — Д.К.).*

Польский инженер Венгерский

Появление в печати польского «Одного дня Ивана Денисовича» — совершенно независимо от того, насколько этот рассказ повлиял на польскую интеллигенцию, в то время весьма интересовавшуюся переменами в СССР³, — имело еще одно — неожиданное — следствие. Дело в том, что в номере «Политики» с третьей частью «Одного дня...» редакция журнала разместила также фотографию Солженицына⁴. Эта фотография чрезвычайно взволновала Ежи Венгерского, польского инженера и товарища Александра Исаевича — с 1949 года — по лагерю в Экибастузе. Много лет спустя, осенью 2003-го, он вспоминал об этом на страницах журнала «Новая Польша»: «В декабре 1962 еженедельник “Политика” начал печатать с продолжением повесть Солженицына “Один день Ивана Денисовича” в переводе с оригинала, вышедшего в № 11 “Нового мира” за тот же год. Меня поразило, что описанная Солженицыным топография лагеря, в котором происходит действие, живо напоминает мне один из лагерей, в котором

---

³ Об этом говорили, также сразу после кончины Александра Исаевича, всемирно известный польский философ Лешек Колаковский (1927–2009) и бывший диссидент, подпольный писатель, а ныне главный редактор либеральной «Газеты выборчей» Адам Михник. Колаковский, в частности, сказал: «Хорошо помню, как мы читали “Один день Ивана Денисовича”, когда его опубликовали в “Новом мире”. Мы уже много тогда знали о советском мире, и само существование лагерей не было для нас новостью. Но это была первая повесть о лагерях, изданная в Советском Союзе, и впечатление от прочитанного было огромным: советский мир меняется. Уже само разрешение напечатать эту повесть можно считать бессмертной заслугой Хрущева, — даже если бы он не имел других» (*Колаковский Л. Свидетель коммунистического зла // Континент. 2008. № 138. С. 21*). Михник вспоминал: «“Один день Ивана Денисовича” потряс Россию. А вскоре эту повесть в переводе Ирэны Левандовской и Витольда Домбровского напечатал и крупнейший польский еженедельник “Политика”. “Один день” выходил по частям, вызывая к жизни болезненные воспоминания о сталинских преступлениях. <...> Александр Солженицын восстанавливал наше достоинство. Говоря словами Чехова, Солженицын учил нас день за днем по капле выдавливать из себя раба» (*Михник А. Легенда и беспокойная совесть России // Там же. С. 13*). Оба фрагмента в переводе Бориса Филиппова. Виктор Ворошильский (1927–1996) — известный польский писатель, а также переводчик «Крохоток» Солженицына — писал в октябре 1978 года: «Когда в шесть часов утра 7 (20) ноября 1910 на станции Астапово умер Лев Толстой, мир внезапно стал иным — миром без Льва Толстого. <...> Когда в ноябре 1962 в руки читателей попали голубые книжки “Нового мира” с повестью до сих пор неизвестного автора “Один день Ивана Денисовича”, мир снова преобразился, он стал миром с Александром Солженицыным, миром Александра Солженицына. В этом мире мы с тех пор и живем» (*Ворошильский В. В мире, в котором... // Континент. 1978. № 18. С. 398*). Польский вариант послания был опубликован в нашем самиздате (*Woroszyński W. W świecie, którym... // Biuletyn Informacyjny. Warszawa. 1978. № 26. S. 42–43*).

⁴ Средних размеров фотография писателя с карандашом в руке, выполненная Александром Лазаревичем Лессом, была опубликована на первой странице «Политики» 15 декабря 1962.

я был. Сначала я не мог припомнить, который это был лагерь, однако начал предполагать, что автор повести в каком-то из лагерей сидел вместе со мной. Фамилия писателя мне ничего не говорила: в лагерях я сталкивался с очень многими русскими. Но в том номере “Политики”, где напечатали третью часть повести, поместили фотографию Солженицына. Меня осенило: это же Саша, мой бригадир из 104-й бригады техников и механиков в Экибастузе! Я вспомнил также, что в лагере он делал заметки; теперь я знал зачем»⁵. Взволнованный Венгерский немедленно отправил на адрес главного редактора «Нового мира» Александра Твардовского «коротенькое письмо» с просьбой передать его в руки автора «Одного дня...» и вскоре получил ответ от самого Солженицына, датированный 10 января 1963 года. Ниже полный текст ответа:

10.01.63

Дорогой Юрий Юрьевич!

Среди сотен писем, которые я теперь получаю, было особенно радостно и приятно получить Ваше.

Я искренне Вас любил и люблю, часто вспоминал эти годы. Удивительное в Вас сочетание с одной стороны доброты и человеческого расположения, с другой стороны выдержки и чувства чести. Никогда не забуду Вас вечером 26-го января, как Вы отказались идти на ужин. А первого знакомства нашего Вы, наверное, и не помните: Вы были десятником на стройке «сто какого-то» жилого квартала, а я работягой и пришел просить у Вас складной метр. И хотя Вы очень дорожили им, а меня не знали — но дали.

Спасибо Вам за Ваше теплое поздравление.

Жизнь иногда устраивает чудеса — может быть, мы когда-нибудь с Вами еще и увидимся?

Мои самые лучшие пожелания
Вам и Вашим родным

А. Солженицын

Рязань, 23

1^й Касимовский пер 12, кв 3⁶.

Ежи Венгерский вспоминает, что его переписка с Александром Солженицыным, «вначале частая, потом пореже, продолжалась до 1968 го-

⁵ Венгерский Е. Память о Гулаге // Новая Польша. 2003. № 10. С. 48.

⁶ Там же. В тексте письма, к сожалению, некоторые неточности. Я восстанавливаю интегральный текст по публикации факсимиле письма: Drogi Juriju Jurijewiczu...: Listy Aleksandra Solżenicyna do Jerzego Juliana Węgierskiego/opracował i wstępem opatrzył W. Paźniewski. Katowice: Muzeum Śląskie, 2007. S. 18.

да»⁷, но еще в 1983-м он получил из Вермонта — через знакомого польского историка — записанное на магнитофонной пленке личное послание от автора «Архипелага ГУЛАГа», которое, к сожалению, не сохранилось⁸. Сохранились пять писем Венгерскому, написанных Солженицыным от руки во время пребывания в Рязани. Во втором из них, датированном 12 февраля 1963 года, Солженицын, поблагодарив своего польского товарища из Мертвого дома за «милое письмо и любезный подарок — альбом Татр»⁹, добавляет: «...этот год я занят был напряженно, не работал только то время, что спал <...>. Если альбомом Татр Вы думали заманить меня в гости, то дело здесь не в моем желании, конечно — а может быть когда-нибудь поездка осуществится, кто знает?»¹⁰ В третьем письме, от 11 марта 1964, писатель отвечает на следующее приглашение в Польшу, на этот раз на защиту кандидатской диссертации Венгерского в «Силезской политехнике» в городе Гливицы¹¹: «Да, я был бы не против... присутствовать, посетить Вашу страну, которую высоко ценю и которой искренне симпатизирую (северную Польшу я прошел с фронтом в 1944 го-

⁷ Венгерский Е. Память о Гулаге. С. 48.

⁸ Drogi Juriju Jurijewiczu... S. 35. В другом, уже цитированном выше источнике Венгерский уточняет: «Торуньский историк, коллекционер автографов Ежи Ярузельский как-то обратился ко мне с просьбой об автографе Солженицына; я отдал ему конверт, адресованный мне Солженицыным собственноручно. Когда в 1983 вышла (по-польски, в переводе Ежи Помяновского. — Г.П.) книга Солженицына “Август Четырнадцатого” с описанием разгрома в Восточной Пруссии русских войск, которыми командовал генерал Самсонов, Ярузельский во время пребывания в США передал Солженицыну фотографию памятника-валуна, установленного на месте самоубийства Самсонова. Взамен он привез мне привет от Солженицына, записанный на магнитофонной пленке» (Венгерский Е. Память о Гулаге. С. 49). Здесь, однако, следует уточнить, что польский перевод «Августа Четырнадцатого» вышел только в 2010 году, а автором этого перевода был не Помяновский (он перевел «Архипелаг ГУЛАГ» и роман «В круге первом»), а Михал Б. Ягелло.

⁹ Сам Венгерский вспоминает: «После первого письма он прислал мне своего “Ивана Денисовича”, опубликованного в № 1 “Роман-газеты” за 1963 год с дарственной надписью. В знак благодарности я послал ему альбом Татр» (Węgierski J.J. Bardzo różne życie. We Lwowie. W sowieckich łagrach. Na Śląsku. Katowice, 2003. S. 360. Пер. Д.К.).

¹⁰ Drogi Juriju Jurijewiczu... S. 20.

¹¹ Этот вуз, существующий и сегодня, был основан в 1945 на т.н. возвращенных землях — территории, отобранной — решением Сталина и его западных союзников — у Германии и переданных Польше. Основателями «Силезской политехники» были бывшие профессора «Львовской политехники», старейшей технической школы Восточной Европы, основанной еще в 1844 в польской части Австро-Венгрии. Стоит добавить, что сам Ежи Венгерский (1915–2012) родился во Львове и там же был арестован НКВД в феврале 1945, во время второй советской оккупации города (первой оккупацией считается период 1939–1941, когда Львов был занят Красной армией на основании положений пакта Молотова — Риббентропа). Об этом см. историческую работу самого Венгерского: Węgierski J. Lwów pod okupacją sowiecką 1939–1941. Warszawa: Editions Spotkania, 1991. В советской историографии это событие считалось присоединением Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР.

ду¹²). Но когда это удастся? <...> 17-го прямо из Рязани, не через Москву, я уезжаю в противоположную сторону — в Ташкент, недели на три по командировке “Нового мира”. Очень-очень жаль, что в этот раз мы не повидаемся. Но, как Вы предсказываете, я тоже надеюсь, что встреча обязательно наша состоится когда-нибудь, в Москве или в Польше»¹³. Затем были еще два письма Солженицына, написанные 30 апреля 1964 и 24 января 1968: в первом из них писатель вновь выразил надежду на личную встречу с Венгерским, не исключено, что в Польше¹⁴. Однако такая встреча волею судьбы никогда не состоялась. Как бы то ни было, намного более важным, а для образа Польши в творчестве Солженицына имеющим фундаментальное значение является то, о чем писатель упомянул в письме Венгерскому от 12 февраля 1963: «Этот год я занят был напряженно, не работал только то время, что спал». Сегодня мы уже знаем о том, что тогда было абсолютной тайной — именно в это время Солженицын работал в уединении над «Архипелагом ГУЛАГом», которому суждено было через десятилетие «потрясти мир». В этой книге Солженицын создал среди прочего яркий портрет Венгерского, основанный не только на лагерных воспоминаниях, но и навеянный перепиской с польским товарищем по несчастью. В «Архипелаге...» Ежи Венгерский появляется дважды. Первое упоминание — в ситуации будничной, но для жестокого лагерного мира нетипичной: «...иногда на стройке побежишь попросить у заключённого десятника складной метр — замерить надо, сколько выложили. Ме-

¹² Точнее говоря, тогда это еще не была территория Польши, а Восточная Пруссия (нем. *Ostpreußen*, польск. *Prusy Wschodnie*) со столицей в Кенигсберге, бывшая частью Третьего рейха. Солженицын воевал в регионах Восточной Пруссии, которые летом 1945 года, после Потсдамской конференции были переданы Польше. В январе 1945-го капитан Красной армии Солженицын участвовал в освобождении от немцев Нидзицы (нем. *Neidenburg*) и Ольштына (нем. *Allenstein*). В ночь с 9 на 10 февраля он был арестован в небольшом городке Вормдигт (сегодня польская Орнета в Варминско-Мазурском воеводстве). Из города Остероде (сегодня польская Оструда на реке Дрвенце) он был отконвоирован пешком в Бродницу (70 км). Эти события отражены писателем в лагерной поэме (повести в стихах) «Дороженька» (1947–1952): «В СМЕРШ фронта пеших, помнится, / Из Остероде в Бродницы / Нас гнал конвой казахов и татар» (Солженицын А.И. Дороженька: Повесть в стихах // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2016. Т. 18. С. 152). Стоит добавить, что в 2008 году жители Бродницы установили в городском парке им. Иоанна Павла II мемориальную доску в память о трехдневном пребывании Александра Исаевича в казематах НКВД (здание из красного кирпича сохранилось) (см.: *Drogorób B. Do Brodnicy tatarski konwój gnał nas w jasyr. Co łączy Solżenicyna z naszym regionem? // Gazeta Pomorska. Toruń, Brodnica, Golub-Dobrzyń, Chełmża, Nowe Miasto Lubawskie, Rypin. 2008. 16 grudnia. № 293. S. 7. Ср.: Глушковский П. Польша и поляки в творчестве А.И. Солженицына // Путь Солженицына в контексте Большого времени. М.: Русский путь, 2009. С. 415). После Бродницы Солженицын попал в Белосток — город, в октябре 1939 занятый Красной армией, в 1941–1944 годах — оккупирован немцами, а в июле 1944 освобожден от них Красной армией. Сегодня это польский город с белорусским меньшинством на пограничье с Беларусью.*

¹³ *Drogi Juriju Jurijewiczu...* S. 23.

¹⁴ *Ibid.* S. 27.

тром этим он очень дорожит, а тебя в лицо не знает — тут много бригад, но почему-то сразу безоружно протянет тебе свою драгоценность (в лагерном понимании это просто глупость!). А когда ты ему этот метр ещё и вернёшь — он же тебя будет очень благодарить. Как может быть такой чудак в лагере десятником? Акцент у него. Ах, он, оказывается, поляк, зовут его Юрий Венгерский. Ты ещё о нём услышишь»¹⁵. И действительно, услышали вскоре после бунта в экибастузском лагере и последовавшего за ним «кровавого вторника» 22 января 1954, когда лагерный дивизион открыл пулеметный огонь по взбунтовавшимся и несколько осужденных были убиты. Требуя «судить виновников расстрела»¹⁶, бараки объявили голодовку, но вскоре уступили: «Мы устали! Мы хотели есть! Тот таинственный закон, который спаял наши чувства и нес их вверх, теперь затрепетал крыльями и стал оседать <...>. — Девятый барак!.. Девятый сдался!.. Девятый идет в столовую! Мы вскочили все. Из комнат другой стороны прибежали к нам. Через решетки, с нижних и верхних нар вагонок, на четвереньках и через плечи друг друга, мы смотрели, замерев, на это печальное шествие. <...> Я почувствовал, что плачу. Покосился, стирая слезы, и у товарищей увидел их же. Слово 9-го барака было решающим. Это у них уже четвертые сутки, с вечера вторника, лежали убитые. Они шли в столовую, и тем самым получалось, что за пайку и кашу они решили простить убийц»¹⁷. Но финал, как оказалось, был еще впереди: «Мы расходились от окон молча. И тут я понял, что значит польская гордость — и в чем же были их самозабвенные восстания. Тот самый инженер поляк Юрий Венгерский был теперь в нашей бригаде. Он досиживал свой последний десятый год¹⁸. Даже когда он был прорабом, — никто не слышал от него повышенного тона¹⁹. Всегда он был тих, вежлив, мягок. А сейчас — исказилось его

¹⁵ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ: 1918–1956: Опыт художественного исследования // Собр. соч. М., 2010. Т. 6. С. 103. Венгерский в своих поздних воспоминаниях пишет, что не помнит этой первой встречи с Солженицыным. См.: *Węgierski J. J. Bardzo różne życie*. S. 238.

¹⁶ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Собр. соч. Т. 6. С. 232.

¹⁷ Там же. С. 233–235.

¹⁸ Венгерский впоследствии уточнил, что это был его не десятый, последний год в лагере, а лишь шестой. См.: *Венгерский Е. Память о Гулаге*. С. 47. Добавим, что после этого проявления протеста Е. Венгерский был переселен в суровый лагерь Джезказган в центральном Казахстане, где просидел уже до конца срока, т.е. до 1954 года. В Польшу он вернулся год спустя вместе с освобожденной из заключения матерью.

¹⁹ В своих поздних воспоминаниях Венгерский объясняет, почему быстро отказался от функции прораба в экибастузском лагере: «Уже после серии убийств “стукачей” меня — бригадира 18-й бригады — вызвал к себе оперуполномоченный и предложил сотрудничать с ним. “Я не хочу, чтобы меня зарезали”, — коротко ответил я и отказался. Тот не настаивал. Тем не менее, опасаясь дальнейшего давления, а еще больше — того, что, будучи бригадиром, могу попасть под подозрение в доносительстве, особенно после вызова к “оперу”, я отказался от бригадирства. <...> Была и другая причина. <...> Еще в декабре 1949 в лагерь в Экибастузе привезли ксендза Станислава Рыжку, а затем — ксендза Станислава Богаткевича, священни-

лицо. С гневом, с презрением, с мукой он откинул голову от этого шествия за милостыней, выпрямился и злым звонким голосом крикнул: — Бригадир! Не будите меня на ужин! Я не пойду! Взобрался на верх вагонки, отвернулся к стене и — не встал! Он не получал посылок, он был одинок, всегда не сыт — и не встал. Видение дымящейся каши не могло заслонить для него — бестелесной Свободы! Если бы все мы были так горды и тверды — какой бы тиран удержался?»²⁰

Друзья Ивана Денисовича в Варшаве, Кракове и Лодзи (1962–1967)

Упомянутую в самом начале статьи публикацию «Одного дня Ивана Денисовича» в варшавском еженедельнике «Политика»²¹ в центральных газетах Польши — во главе с партийной варшавской «Трибуной народа» («Trybuna Ludu», можно сказать, польский аналог газеты «Правда») — сопровождали небольшие статьи, часто напрямую пришедшие из Москвы, подчеркивающие фундаментальное значение публикации «Одного дня...» в СССР.

ка из околиц Вильно. <...> Был совершенно обычным священником: крупный, осанистый, здоровый мужчина; откуда-то — вероятно, от прихожан — получал богатые посылки, но даже не думал кого-либо угощать <...>. Собственно, он не был примером христианской любви. Тем не менее его присутствие в нашей бригаде во время работы и в бараке сильно на меня повлияло. Не пристало в его присутствии ругаться и использовать нецензурную лексику. Ранним утром на своих нарах он проводил совершенно приватное богослужение. Со времени заключения в тюрьму на улице Лонцкого (во Львове. — Г.П.) я не имел возможности исповедаться... а причащался я еще до ареста. В один из вечеров в укромном уголке лагеря ксендз Богаткевич исповедал меня, а на следующее утро, когда все еще спали, а ксендз на своих нарах проводил мессу, он подал мне знак. Я подошел к его нарам в глубине барака, и он причастил меня. Следовало теперь изменить свою жизнь, а может, и не столько жизнь, поскольку ее никто из нас не был в состоянии изменить, сколько поведение. Проще это было сделать, отказавшись от бригадирства» (*Węgierski J.J. Bardzo różne życie*. S. 245. Пер. Д.К.). Кстати, весьма интересное дополнение к «Одному дню...», в котором молится только Алешка-баптист на койке, а крестятся перед едой лишь молодые бендеровцы, так как старые давно отвыкли, о русских уже не говоря: «Там, за столом, еще ложку не окунувши, парень молодой крестится. Бендеровец, значит, и то новичок: старые бендеровцы, в лагере пожив, от креста отстали. А русские — и какой рукой креститься, забыли» (*Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича // Собр. соч. Т. 1. С. 21*).

²⁰ *Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Собр. соч. Т. 6. С. 235–236.*

²¹ Сегодня даже в Польше уже никто не помнит, что небольшой фрагмент рассказа (а точнее, его последние шесть страниц, начиная с предложения «Слышать было очень издали: где-то трактор гудел в поселке, в стороне шоссе экскаватор повизгивал») был также опубликован в краковском еженедельнике «Литературная жизнь» («*Życie Literackie*») в переводе известного польского военного писателя Ольгерда Терлецкого (1922–1986), который, кстати, сам прошел через суровую школу советских лагередей (1939–1941). См.: *Sołżenicyn A. Jeden dzień Iwana Denisowicza // Życie Literackie. 1962. 30 grudnia. № 52. S. 4–6.*

В гомулковской Польше — совсем иначе, чем в СССР времен хрущевской «оттепели», где произведение Солженицына читали простые люди, в том числе и недавние лагерники, — рассказ Солженицына будоражил умы прежде всего интеллигенции, питавшей надежду на постсталинские перемены у большого соседа, что должно было повлиять также на судьбу Польши. Об этом, конечно, открыто не писали, однако подобные настроения хорошо чувствуются между строк публиковавшихся в 1962–1963 годах статей о Солженицыне. Первую из них, под заглавием «День, которого забыть нельзя», опубликовал московский корреспондент «Трибуны народа» Михал Луцкий. Статья, занявшая почти целую газетную полосу, пропитана, с одной стороны, верой в поражение и уход в небытие культа личности, а с другой — надеждой на возрождение «правильных» коммунистических норм. Обращаясь к одному «дню невинно осужденного человека», Луцкий сравнивает произведение Солженицына — «рассказ о самой черной странице периода культа личности» — с только что опубликованной в «Новом мире» «Тишиной» Юрия Бондарева и — прежде всего! — с рассказом Григория Шелеста «Самородок», опубликованным в «Известиях», а затем напечатанным польски в № 46 «Политики» за 1962 год. Для польского журналиста эти два рассказа — в действительности такие разные и по художественному уровню, и по авторской мысли — являлись доказательством не только силы духа некоторых жертв культа личности, но и витальности самого коммунизма: «Проплывает перед читателем день Ивана: бессмысленные приказы, бессмысленная работа, торжествующее бесправие... Читатель думает: какой прекрасный каменщик был бы из Ивана на свободе. И каким оптимизмом веет в конечном счете от его упорства, его житейской мудрости, его внутренней силы и чистоты. <...> Солженицын превратил повествование об одном дне Ивана Денисовича в художественный документ большого значения, срывающий маски, а также полный веры в победу — окончательную победу Ивана Денисовича»²².

В 1962 в польской печати появились еще два текста об «Одном дне...», в которых рассказ рассматривался в политическом ключе решений XX и XXII съездов КПСС. Автором первой публикации — статьи «Интеллектуальное направление» — был Ежи Ярузельский, тогдашний корреспондент «Жизни Варшавы» в Москве, уже упоминавшийся выше в связи с Ежи Венгерским²³. В своей статье Ярузельский, осторожно ссылаясь на советскую критику, утверждал, что вышеупомянутый рассказ Шелеста «Самородок» попросту слаб, а великолепный рассказ Солженицына вписывается в более широкое «интеллектуальное направление», являющееся в свою оче-

²² Łucki M. Dzień, którego zapomnieć nie wolno (od własnego korespondenta «Trybuny Ludu» w Moskwie) // Trybuna Ludu. 1962. 25 listopada. № 327. S. 9. Пер. Д.К.

²³ См. выше, примеч. 8.

редь частью нравственного процесса «открывания правды», в том числе и о «лагерях времен Сталина», чтобы, «в частности, достичь материальных целей, поставленных КПСС»²⁴. В сходном тоне был выдержан и сокращенный перевод статьи Эльзы Триоле под программным заголовком «Pour l'amour de l'avenir» — «Во имя любви к будущему» (полный текст появился в парижском коммунистическом еженедельнике «Lettres Françaises» от 7 декабря 1962). Польский текст был озаглавлен «Эльза Триоле о рассказе Солженицына». Рядовой читатель не мог знать, как наверняка знали редакторы варшавского журнала «Новая культура», на страницах которого польскоязычная версия статьи и была опубликована, что Эльза Триоле таким образом непосредственно включалась в полемику Ж.П. Сатра и А. Камю 1950-х годов о советских лагерях. Камю в своей книге «Бунтующий человек» (1951) с осуждением писал о всяких попытках порабощения личности, также и в «русских (точнее, в советских. — Г.П.) лагерях», а долгом художника считал защиту невинных жертв и осуждение как «правых» палачей, так и «левых»: «Русская система концентрационных лагерей, — писал Камю, — и впрямь осуществила диалектический переход от правления лицами к управлению вещами, спутав при этом личность с вещью. <...> Мы, именно мы, обязаны выступить от имени всех тех, кто страдает сегодня, каковы бы ни были мощь и сила, в прошлом или в будущем, государств и партий, их угнетающих: для художника не существует привилегированных палачей. Вот почему красота даже сегодня, особенно сегодня, не должна служить ни одной партии, она обязана помогать, на долгий или на короткий срок, лишь облегчению боли и достижению свободы человека. <...> И тогда урок, извлекаемый им из красоты, — если он извлечен честными средствами, — будет уроком не эгоизма, но сурового братства. Красота в таком понимании не поработила еще ни одного человека»²⁵. Сартр на это отвечал, что европейскому интеллигенту не следует говорить о советских лагерях, чтобы не привести к унынию рабочих в Бийанкуре²⁶. Эльза Триоле заняла промежуточную позицию — с одной стороны, она призывала во весь голос — как в прошлом не сумел этого сделать Маяковский — заявить свой протест против бесчеловечностей

²⁴ Jaruzelski J. Nurt intelektualny // Przegląd Kulturalny. Warszawa, 1962. 19–31 grudnia. № 51–52. S. 10.

²⁵ Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / пер. с фр. И.А. Волевич, Ю.М. Денисов, А.М. Руткевич, Ю.Н. Стефанова. М.: Изд-во полит. лит., 1990. С. 304, 373.

²⁶ Бийанкур — рабочее предместье Парижа. Жорж Нива добавляет в этом контексте: «Нельзя было не только “приводить в отчаяние Бийанкур”, как говаривал Сартр, но и отнимать надежду у интеллигенции, принимавшей участие в построении нового мира и новой истории — односторонней, однонаправленной» (Нива Ж. Возвращение в Европу: Статьи о русской литературе / пер. с фр. Е.Э. Ляминой. М.: Высш. школа, 1999. С. 150).

сталинизма; с другой, считала, что такой поступок будет актом верности коммунистическому гуманизму и социалистическому реализму²⁷.

В январе 1963 года в Польше, еще до того, как вышел январский номер «Нового мира» с рассказами Солженицына «Случай на станции Кречетовка» и «Матренин двор», об «Одном дне...» высказался Анджей Дравич (1932–1997) — крупный русист, впоследствии исследователь творчества Солженицына. В своем первом печатном выступлении — это была короткая заметка в варшавском иллюстрированном молодежном еженедельнике «Дружба» («Przyjaźń») — умный Дравич сумел выйти за рамки трафаретов о Хрущеве и XX съезде, указав на стилистические связи рассказа Солженицына с «поисками в области языка 1920-х годов раннего Леонова, в какой-то степени Бабеля, возможно, более всего Андрея Платонова»: «Это распространенное, народное “просторечие”, насыщенное лагерной терминологией, уложенное в скупые и одновременно значительные, нераспространенные, лапидарные предложения. Этот стиль так же аскетичен, как аскетичны были реакции и инстинкты осужденных — “зэков”, краток, условен, синтетичен, полон неожиданностей. Просторечие не было здесь просто скопировано — оно прошло литературную обработку, и то, что получилось, — скорее его экстракт, отвар, синтез»²⁸. Дравичу очень понравилось, что это абсолютно искреннее и острое произведение написано с огромным тактом, получившись как бы приглушенным, а оттого вдвойне острым. Сравнивая Шухова с Платоном Каратаевым, Дравич, с точки зрения интеллигента, утверждал, что этот герой «немного понимает», но в лагере сидели и другие люди, не окончательно лишённые воли, и именно такие люди задавали тон: «В общем, сидит Иван Денисович, сидят русские, латыши, эстонцы, грузины; есть здесь капитан второго ранга, киноактер, художник, красноармеец, разоблаченный еще во время коллективизации как сын кулака, узник Бухенвальда, изувеченный немцами. Есть, как и везде, люди и гиены, честные и подлые; жестокие законы лагерной жизни уничтожают одних и закаляют других. <...> Концентрированная, обнаженная человеческая обида, воспоминания о которой в течение стольких лет сталкивались на самое дно одиночества, державшаяся за семью замками, застрявшая в горле обжигающим чувством несправедли-

²⁷ Elsa Triolet o opowiadaniu Solżenicyna // Nowa Kultura. 1962. 23–30 grudnia. № 51–52. S. 16. Наиболее политизированным текстом о раннем Солженицыне стала переведенная на польский язык с русского опубликованная в польской версии журнала «Проблемы мира и социализма» (1964. № 19. С. 80–85) статья известного впоследствии Юрия Карякина «Эпизод из современной борьбы идей». Автор статьи встал на защиту Солженицына, Хрущева и XX съезда КПСС не столько перед внутренними сталинистами, сколько перед китайскими маоистами, выступающими против антисталинских разоблачений. Этот же текст перепечатан в сборнике: «“Ивану Денисовичу” полвека»: Юбилейный сборник 1962–2012. М.: Русский путь, 2012. С. 238–253.

²⁸ Drowicz A. Jeden dzień. Rozmowy o książkach // Przyjaźń: Tygodnik Ilustrowany. Warszawa, 1963. 13 stycznia. № 2. S. 2.

ности, наконец дождалась-таки выхода <...> Когда померкнут заслуги пионерства, «Один день...» не разделит судьбы проходных сезонных сенсаций, навсегда оставшись литературным фактом»²⁹.

В 1963–1966 — по мере того как в «Новом мире» Твардовского появлялись очередные рассказы Солженицына (уже упоминавшиеся «Случай на станции Кречетовка», «Матренин двор», а также «Для пользы дела» — в 1963, «Захар-Калита» — в 1966) — они сразу переводились и публиковались или в самой Польше³⁰, или в печатных изданиях польской эмиграции в Париже³¹. Появлялись и новые, все более глубокие, отзывы польских писателей на произведения Солженицына. Так, еще в 1963 Адольф Рудницкий, как явствует

²⁹ Там же. Напомним, что Дравич писал это ровно за год до появления в январском номере «Нового мира» за 1964 год громкой статьи Владимира Лакшина «Иван Денисович, его друзья и недруги», где, в частности, говорилось: «Повесть “Один день Ивана Денисовича” прожила в нашей литературе всего год и вызвала столько споров, оценок, толкований, сколько не вызывала за последние несколько лет ни одна книга. Но ей не грозит судьба сенсационных однодневок, о которых поспорят и забудут. Нет, чем дальше будет жить эта книга среди читателей, тем резче будет выясняться ее значение в нашей литературе, тем глубже будем мы сознавать, как необходимо было ей появиться. Повести об Иване Денисовиче Шухове суждена долгая жизнь» (Лакшин В. Солженицын и колесо истории. М.: Алгоритм, 2008. С. 96). Нам следует еще добавить, что в Польше об «Одном дне...» писали в конце 1963-го и начале 1964 года два писателя: Леон Гомолицкий (1903–1988) — уроженец Санкт-Петербурга, выходец из обрусевшей польской семьи, с 1931 живший в Варшаве, но вплоть до 1945 писавший по-русски, и Збигнев Жакевич (1933–2010), уроженец Вильно, проведенный детство в г. Молодечно на реке Уша (сегодня Минская область Беларуси) и ставший свидетелем вступления в 1939 частей оккупационной Красной армии. См.: *Gomolicki L. Spór o Sołżenicyna // Odgłosy. Łódź 1964. 8 marca. № 10. S. 2; Żakiewicz Z. W kręgu wielkiej tradycji // Twórczość. Warszawa. 1963. № 10. S. 89–92.* Если Гомолицкий в своей статье рассматривает «Один день...» в оптимистическом контексте фильма «Чистое небо» Григория Чухрая времен «оттепели» и обращается к уже упомянутому тексту Владимира Лакшина «Иван Денисович, его друзья и недруги», то Жакевич рассматривает произведение Солженицына в контексте «Записок из Мертвого дома» Достоевского и — более оригинально — «Дон Кихота» Сервантеса. Шухов, по мнению Жакевича, в нравственном смысле стоит намного выше самовлюбленного Алексея Петровича Горянчикова (рассказчик и главный герой в романе Достоевского), выполняя роль Санчо Пансы при Цезаре Марковиче. См.: *Żakiewicz Z. W kręgu wielkiej tradycji. S. 90–91.*

³⁰ *Sołżenicyn A. Zdarzenie na stacji Kreczetowka / przełożyła Henryka Broniatowska // Literatura Radziecka: Miesięcznik Związku Pisarzy ZSRR. 1963. № 6. S. 52–93.* Та же публикация в журнале «Ветряные мельницы» — «Wiatraki» (Bydgoszcz. 1963. 1–15 listopada. № 21. S. 1–3; 16–30 listopada. № 22. S. 3; 1–15 grudnia. № 23. S. 2–3; 16–31 grudnia. № 24. S. 2–3; 1964. 1–15 stycznia. № 1. S. 2–3), затем в пятом томе рассказов советских писателей: *Słoneczna dolina. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1964. S. 229–290.* *Sołżenicyn A. Dla dobra sprawy / przełożył Ignacy Szenfeld // Kultura: Tygodnik społeczno-kulturalny. Warszawa, 29 września. 1963. № 16. S. 7–11; Sołżenicyn A. Zachar Kalita / przełożył Ryszard Kotowski // Życie Literackie: Tygodnik. Kraków, 1966. 27 marzec. № 13. S. 1, 5.*

³¹ *Sołżenicyn A. Zdarzenie na stacji Kreczetowka / przełożył z rosyjskiego Leon Furatyk // Kultura. Paryż. 1963. № 7–8. S. 3–45; Sołżenicyn A. Zagroda Matryony / tłumaczenie Józefa Łobodowskiego // We własnych oczach: Antologia współczesnej literatury sowieckiej / wstęp Gustawa Herlinga-Grudzińskiego. Paryż: Instytut Literacki, 1963. S. 485–519.*

из опубликованного в варшавском еженедельнике «Мир» эссе «Очищение» (из цикла «Голубые странички»)³², был очарован главным образом «Случаем на станции Кречетовка», прочитанным в переводе. Хорошо помня первые дни войны 1941 на территории СССР, расширенного в сентябре 1939 за счет Польши (точнее — Второй Речи Посполитой), Рудницкий писал: «Действие рассказа разворачивается в первые месяцы войны, о которых Черчилль позже заметил: “Ни одна страна на свете уже не поднялась бы после такого поражения”. В триумфе Гитлера было тогда что-то почти мистическое. Казалось, никто и ничто его не остановит. Каждая неделя приносила... новое окружение и новые миллионы военнопленных. Расползались немецкие границы. Я был тогда во Львове и наблюдал это вблизи. Почти не конвоируемые немногочисленными самоуверенными, улыбающимися немецкими солдатами, проходили по улицам Львова советские военнопленные. Среди них были и наши знакомые, с которыми мы недавно сидели в кафе. Мы ничего не знали о приближавшемся ударе, об опасности которого предостерегали нас письма из ГГ³³: мы были как в коробке, выложенной ватой... За Днепром царил неопишуемый хаос. Только вдали от него, на большом расстоянии можно было попытаться собрать какие-то силы, способные оказать сопротивление, не охваченные паникой разгрома. Первый, поначалу неощутимый удар нанесли Гитлеру именно эти расстояния»³⁴.

В своем эссе Рудницкий, демонстрируя незаурядное эстетическое чутье, анализирует фабулу рассказа, обращая внимание на каждую деталь. Очевидно, что симпатии Рудницкого — представителя старой польской ин-

³² Rudnicki A. Oczyszczenie. Niebieskie kartki // Świat. 1963. 8 września. № 36. S. 11. Рус. пер.: Рудницкий А. Две-три фразы // Новая Польша. 2001. № 7–8. С. 38–40.

³³ Генерал-губернаторство — часть довоенной Польши с городами Краков (столица), Варшава, Люблин, Радом, оккупированная после 1 сентября 1939 немецкими войсками, но не включенная формально в состав Третьего рейха. Львов же (до 1772 года входивший в состав Речи Посполитой, в 1772–1918 годах — в состав Австрийской, а затем Австро-Венгерской империи, в 1918–1939 — в состав Второй Польской Республики) после 17 сентября 1939 года был оккупирован советскими войсками. В связи с положением на фронте многие польские писатели были вынуждены остаться в городе. Некоторые из них были затем отправлены в советские лагеря. Адольф Рудницкий (1909–1990) избежал этой судьбы, вступил 17 сентября 1940 года в Союз советских писателей Украины, потом принимал участие в Варшавском восстании (1944), написал «Эпоху газовых печей» (1948–1949), «Живое и мертвое море» (1952), «Сто лет тому умер Достоевский» (1984). В рассказах, написанных сразу после окончания войны, Рудницкий описал ужасы холокоста. В 1980-е писатель пересмотрел свое отношение к сотрудничеству с коммунистическими властями. Его рассказ «Чистый поток» (1946) Милан Кундера назвал лучшим произведением о любви, написанным в XX веке. Рудницкий был по происхождению евреем, выходцем из хасидской семьи. Следует добавить, что журнал «Мир» («Świat»), в котором Рудницкий опубликовал свое вдумчивое эссе о Солженицыне, был закрыт в 1968 в рамках антисемитской кампании во времена Гомулки. Поводом стало «чрезмерное» число сотрудников еврейской национальности.

³⁴ Рудницкий А. Две-три фразы. С. 38.

телигенции — на стороне актера Тверитинова. Тверитинов не знает — и это тоже внушает симпатию польскому писателю — о переименовании Царицына в Сталинград. Но именно этим он и подписывает себе приговор... Нельзя не признать, что следующий фрагмент из эссе Рудницкого — одно из самых проникновенных истолкований «Случая на станции Кречетовка»: «На войне погибают миллионы. Погибают безвинно. Поэтому какой-то процент должен погибнуть, так сказать, еще более безвинно, еще более абсурдно, несправедливо. Нравственно нечистоплотный человек, возможно, не сделал бы того, что Вася Зотов, но люди чистые и наивные бывают особенно опасны. Впрочем, дело даже не в Васе Зотове, а в ситуации: на каждом шагу плакаты, предостерегающие от шпионов. К тому же у самого Зотова никогда не было уверенности, не совершил ли он ошибки. Той уверенности, которой проникаемся мы, услышав крик Тверитинова. Мне кажется, что своим огромным резонансом рассказ обязан двум фразам, выделенным самим автором: циничной “Надо будет только выяснить один вопросик”... и душераздирающей: “Ведь этого не исправишь!!” Велика сила подобных фраз, человечество порой ждет их десятилетиями. И лишь будучи написанными, произнесенными вслух, они позволяют людям передохнуть. Они отделяют правду от лжи, свет от тени, подлость от благородства. Они отдают последнюю справедливость безвинно погибшим. Благодаря подобным фразам человечество очищается. И они служат доказательством, что без очищения человечество жить не может»³⁵.

16 мая 1967 года Солженицын пишет смелое письмо IV Съезду советских писателей, приуроченному, кстати, к 50-летию Октябрьской революции: «Не предусмотренная конституцией и потому незаконная, нигде публично не называемая, цензура под затуманенным именем Главлита тяготеет над

³⁵ Там же. С. 40. Уже упоминавшийся ранее Збигнев Жакевич, признанный знаток русской классической литературы, особенно Достоевского, пишет о Зотове: «В “Случае на станции Кречетовка” Солженицын создает знакомый образ благородного героя, рассеянного, как Пьер Льва Толстого, интеллигента, преисполненного благих намерений, становящихся причиной трагических сложностей. Своим поведением, внешним видом и идейной бескомпромиссностью лейтенант Зотов напоминает рассказчика из “Конармии” Бабеля. Здесь появляется даже такая деталь — очки в проволочной оправе. Но конфликт, в котором оказался замешан этот положительный герой — наполовину Пьер, наполовину комиссар Лютов, начинает приобретать все больше черт, свойственных конфликту у Достоевского. Лейтенант Зотов, исполняющий обязанности заместителя коменданта станции Кречетовка, передает в руки службы безопасности старого московского актера — человека, трогательного в своей незащитности, потерянного в огромном омуте войны. Есть в нем нечто от героев Достоевского» (*Żakiewicz Z. W kręgu wielkiej tradycji*. С. 91. Перевод Д.К.). Что касается «Матрениного двора», Жакевич видит в нем пример сближения русского интеллигента с миром «простого народа», «с настоящей, глубоко человеческой натурой российского крестьянина». Сама же Матрена Васильевна напоминает польскому литературному критику бабу Каширину из автобиографического цикла Горького, тогда как ее «эгоистичное, порывистое, примитивное» окружение создает впечатление «взятого напрямиком из купеческих повестей Горького» (Там же. С. 92).

нашей художественной литературой и осуществляет произвол литературно-неграмотных людей над писателями. Пережиток средневековья, цензура доволакивает свои мафусаиловы сроки едва ли не в XXI век! Тленная, она тянется присвоить себе удел нетленного времени: отбирать достойные книги от недостойных. <...> Отличные рукописи молодых авторов, еще никому не известных имен, получают сегодня из редакций отказы лишь потому, что они “не пройдут”. <...> А между тем сами цензурные ярлыки (“идеологически вредный”, “порочный” и т.д.) недолговечны, текучи, меняются на наших глазах. Даже Достоевского, гордость мировой литературы, у нас одно время не печатали (не полностью печатают и сейчас), исключали из школьных программ, делали недоступным для чтения, поносили. Сколько лет считался “контрреволюционным” Есенин (и за книги его даже давались тюремные сроки)? Не был ли и Маяковский “анархистствующим политическим хулиганом”? Десятилетиями считались “антисоветскими” неувядаемые стихи Ахматовой. Первое робкое напечатание ослепительной Цветаевой десять лет назад было объявлено “грубой политической ошибкой”. Лишь с опозданием в 20 и 30 лет нам возвратили Бунина, Булгакова, Платонова, неотвратимо стоят в череду Мандельштам, Волошин, Гумилев, Клюев, не избежать когда-то “признать” и Замятина, и Ремизова. Тут есть разрешающий момент — смерть неугодного писателя, после которой, вскоре или невскоре, его возвращают нам, сопровождая “объяснением ошибок”. Давно ли имя Пастернака нельзя было и вслух произнести, но вот он умер — и книги его издаются, и стихи его цитируются даже на церемониях. Воистину сбываются пушкинские слова: **Они любить умеют только мертвых!**»³⁶

В начале 1980-х мы — тогдашние студенты отделения русской филологии краковского Ягеллонского университета — восхищались именно этими фрагментами письма Солженицына, прочитанного нами на языке оригинала... Я — счастливый ученик профессора Анджея Дравича — лично помню, что мужественное выступление писателя против цензуры виделось нами как верность Михаилу Афанасьевичу Булгакову, автору культового для нас романа «Мастер и Маргарита». Благодаря Дравичу, привозившему для своих студентов из Варшавы в Краков множество запрещенных русских книг, изданных в Париже, Мюнхене или в американском городке Анн-Арбор в штате Массачусетс, мы сразу получили возможность заметить, что Солженицын продолжает дело Булгакова, который в письме правительству СССР от 28 марта 1930 писал: «... когда германская печать пишет, что “Багровый остров” — это “первый в СССР призыв к свободе печати” (“Молодая гвардия” № 1 — 1929), — она пишет правду. Я в этом сознаюсь. Борьба с цензурой, какая бы она ни была и при какой бы власти она ни существовала, — мой писательский долг, так же как и призывы к свободе печати. Я горячий поклонник этой свободы и полагаю, что,

если кто-нибудь из писателей задумал бы доказывать, что она ему не нужна, он уподобился бы рыбе, публично уверяющей, что ей не нужна вода»³⁷.

После выступления Солженицына его имя сразу же начало вытесняться из сознания его польских почитателей стараниями цензуры, действовавшей как в брежневском СССР, так и в гомулковской ПНР (в самой Польше «не-другов», говоря языком Лакшина³⁸, пока не было, по крайней мере, они не осмелились проявиться до 1968). Но в 1967–1968 успели в польской печати появиться две последние статьи, в которых Солженицын описывался объективно и справедливо как «полифонический писатель» и интересный славянофильствующий мыслитель, ищущий смысл жизни и творчества также в сфере сверхчеловеческой, трансцендентной: «Талант сопряжен с обязательством. <...> В наши дни, когда техника играет все большую роль в современной жизни, когда материальный достаток считается наиважнейшим (здесь Солженицын употребил очень точное русское определение “когда люди заедаются”), когда влияние религии ослабло во всем мире, на писателя возлагается особая ответственность». И далее: «Какой литературный жанр кажется мне наиболее интересным? Полифонический роман с четким определением времени и пространства. Роман без главного героя. <...> А как я понимаю полифоничность? Каждое действующее лицо становится главным персонажем, когда ее начинает касаться действие. И пускай автор тогда отвечает даже за тридцать пять героев. Не отдает никому первенства. Каждого своего героя он должен понять и объяснить. Однако ему нельзя терять почву под ногами. Используя такой метод, я написал две книги и намереваюсь написать еще одну». Обе цитаты взяты из интервью Солженицына, данного им в марте 1967 словацкому журналисту Павлу Личко в Рязани и Москве. Писатель тогда уже знал, что в СССР его произведения публиковаться не будут, и хотел донести как можно больше о себе до общественного мнения за границей. Метод был чрезвычайно эффективным — в мае 1967 года интервью, данное Личко, появилось также в польском переводе на страницах краковского еженедельника «Литературная жизнь» («Życie Literackie») ³⁹. Из этой весьма содержательной публикации польский читатель узнал не только ранее неизвестные страницы биографии писателя, но и впервые слышал о его «полифоническом методе», а также о полифоничности упомянутых писателем романов «Раковый корпус» и «В круге первом». Подобной информации, к сожалению, не было в вышедшей в 1968 книге Анджея Дравича «История советской литературы с 1917

³⁷ Булгаков М.А. Письма. Жизнеописание в документах. М.: Современник, 1989. С. 174.

³⁸ См. выше, примеч. 29.

³⁹ Liczko P. Jeden dzień u Aleksandra Isajewicza Solżenicyna // Życie Literackie. Kraków, 1967. 21 maja. № 21. S. 9. Ср.: Ličko P. Jedného dňa u Alexandra Isajeviča Solženicyna // Kulturný Život. Bratislava. 1967. 31 marca. № 13. Русский перевод: Один день у Александра Исаевича Солженицына: Интервью словацкого журналиста Павла Личко // Посев: Еженед. обществ.-полит. мысли. Франкфурт. 1963. 23 июня. № 25. С. 3–4.

по 1967 год. Русские писатели» с фрагментом о Солженицыне (это вторая из упомянутых выше достойных публикаций в области солженицыноведения в Польше 1960-х – первой половине 1970-х). В позднем интервью, данном в Познани в ноябре 1992 Татьяне Косиновой, Дравич вспоминал: «Я начал систематически заниматься русской литературой и пользовался некоторым либерализмом польской цензуры по отношению к русской литературе, которой по-настоящему наша цензура не так уж интересовалась, не так хорошо в ней разбиралась, и поэтому много можно было сказать. Еще в 1968 г. вышла моя книжечка “История русской литературы с 1917 по 1967 год”⁴⁰, где, например, был хороший абзац об Александре Исаевиче Солженицыне. Единственное, что тогда потребовала от меня цензура, снять портрет. Фотографии не должно было быть, а писать можно было»⁴¹. Но не так уж много написал в своей «Истории...» Анджей Дравич, особенно по сравнению с интервью Личко и с тем, что сам уже рассказал об «Одном дне...» в варшавском иллюстрированном еженедельнике «Дружба» в январе 1963⁴². О существовании «Ракового корпуса» и романа «В круге первом» упомянуть было нельзя, и Дравич, в принципе, добавил к ранее уже сказанному только одно мнение и одну метафорическую констатацию: «В рассказах “Матренин двор” и “Захар-Калита” писатель пошел далее в направлении, определенном выбором героя в “Одном дне...”»; однако если позиция Ивана Денисовича Шухова с его чрезвычайно упрощенной жизненной философией, примитивизмом, абсолютной готовностью к подчинению и неприязнью к интеллигенции представляется автором таким образом, чтобы дать возможность оценить ее по-разному, то рассказы являются совершенно однозначным восхвалением стойкости и жертвенности русского народа, являющегося, по мнению Солженицына, носителем наивысших моральных ценностей. Занятая здесь позиция *suī generis* писательского паломничества к истокам народной морали имеет давнюю и мощную традицию в русской литературе, особенно у Толстого и Достоевского. Что же касается рассказов “Случай на станции Кречетовка” и “Для пользы дела”, они отличаются как по заложенным в них принципам, так и по стилистике. Не боясь упрощений, Солженицын с доступностью наглядного урока продемонстрировал разрушительные процессы, происходящие в атмосфере подозрений и главенства принципа “цель оправдывает средства”»⁴³. Эта «цель, оправдывающая средства» — конечно, «светлое будущее», во имя которого можно сажать беззащитных пожилых артистов за колючую проволоку или для нужд партии отбирать у молодежи учебное здание.

⁴⁰ Правильное заглавие см. выше.

⁴¹ Я хотел открыть другую Россию: Интервью с Анджеем Дравичем (1992) // Новая Польша. 2011. № 3. С. 76.

⁴² См. выше, примеч. 29.

⁴³ *Drawicz A. Literatura radziecka 1917–1967. Pisarze rosyjscy. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968. S. 265–266.*

Атака недругов

Именно во имя этого «светлого будущего» в 1968–1988 в социалистической Польше — несмотря на то что она не только считалась самым веселым баракком в коммунистическом лагере, но и действительно была им — ругали Александра Солженицына с использованием стилистики, которой не погнушались бы даже сотрудники «Правды» и «Литературной газеты», развернувшие полномасштабную кампанию против автора «Ракового корпуса» и «Архипелага ГУЛАГа». В ПНР — характерно, что в тех же самых высокотиражных варшавских и краковских газетах, где совсем еще недавно публиковались положительные очерки о малой прозе Солженицына и о нем самом — в 1968, а затем особенно активно в 1974–1975 проводилась кампания по травле писателя, распланированная в Москве. Но характерно, что почти никто в Польше не захотел сочинять собственных антисолженицынских пасквилей, а если и сделал это, то не осмеливался подписываться полным именем. Впрочем, чаще пользовались московскими заготовками — приготовленными заранее для нужд всего социалистического лагеря текстами советских защитников «гуманизма и мира». Итак, в июле 1968 краковская «Литературная жизнь» в рубрике «Заглянем к соседям» публикует довольно обширный текст «Литературная газета о Солженицыне», подписанный криптонимом «Р.Н.», в котором автор излагает почти дословно редакционную статью «Идейная борьба. Ответственность писателя»⁴⁴ из «Литературной газеты», № 26 от 26 июня за 1968. В этой статье, кроме Солженицына, который «мог бы свои литературные способности целиком отдать Родине, а не ее злопыхателям. Мог бы, но не пожелал»⁴⁵, упомянуты в «антинародном контексте» Валерий Тарсис, Юрий Галансков и Александр Гинзбург⁴⁶. Новый всплеск антисолженицынской кампании в ПНР приходится на 1974–1975, в связи с публикацией на Западе «Архипелага ГУЛАГа», лишением писателя советского гражданства и его «выдворением» из СССР. Список статей тоже небольшой — тексты «в защиту мира против происков Герострата-Солженицына» появлялись в варшавской «Трибуне народа», «Жизни Варшавы», краковской «Литературной жизни», международных, издаваемых также по-польски «Проблемах мира и социализма», в «Праве и жизни» («Prawo i Życie»), партийных «Новых дорогах» («Nowe Drogi») и варшавском «Культурном еженедельнике» («Tygodnik Kulturalny»). И опять практически все тексты или анонимные, как «Вокруг дела Солженицына» и

⁴⁴ См.: Идейная борьба. Ответственность писателя // Слово пробивает себе дорогу: Сборник статей и документов об А.И. Солженицыне. 1962–1974. М.: Русский путь, 1998. С. 343–352.

⁴⁵ Там же. С. 352.

⁴⁶ R.N. Litieraturnaja Gazieta o Solżenicynie // Życie Literackie. 1968. 14 sierpnia. № 28. S. 14.

«Новая антикоммунистическая кампания»⁴⁷, или сочиненные советскими авторами, а затем переведенные на польский язык. Первой в ряду публикаций стал позорный текст, подписанный криптонимом «А. Вит.». Польский, вне всякого сомнения, автор использовал метод, опробованный АП «Новости», называя Солженицына новым Геростратом, апологетом Гитлера и — авторская новация — защитником антипольского царского режима: «Относительно “царского либерализма”, над которым так расчувствовался Солженицын, мы, поляки, имеем собственное мнение, схожее с мнением рабочих Петрограда, и совершенно определенно отличающееся от мнения “помещиков” Ростовской губернии, к которым так охотно и, очевидно, не без оснований приписывают Солженицына его западные покровители»⁴⁸.

Из публикаций 1974–1975 следует упомянуть текст «Солженицын на Западе. Знаменательная встреча со свободным миром» Владимира Симоннова, корреспондента АП «Новости», написанный специально для польского агентства «Интерпресс»: «Правда, кое-где Солженицыну будут рады. Например, в Иерусалиме, мэр которого заявил, что готов принять апологета гестапо и фашизма. Солженицын у Стены Плача — неплохая иллюстрация для его литературного кощунства»⁴⁹. В другой публикации тогдашний пер-

⁴⁷ Wokół sprawy Solżenicyna // Życie Literackie. 1974. 20 stycznia. № 3. С. 15; Nowa kampania antykomunistyczna // Nowe Drogi. Warszawa, 1974. № 2. S. 87–92. Значительно более коварный здесь второй текст, кончающийся — в духе «классово-патриотическом» — следующим образом: «Выступления Солженицына и антикоммунистическая кампания, развернутая вокруг них, вызывают глубокое сопротивление в нашей партии и польском обществе <...>. Мы занимаем такую позицию, исходя как из общественных, классовых причин, так и принципиальных национальных чаяний Польши. <...> Речь о том, что Солженицын пытается воскрешать и подогревать идеологию и политику Романовых, Колчаков и Деникиных, белогвадейцев и царского самодержавия. Впрочем, он и не скрывает своей симпатии к этим силам, вычеркнутым российским рабочим классом, ни в “Архипелаге ГУЛАГ”, ни в своем предыдущем произведении — “Августе Четырнадцатого” <...> Силы и традиции, симпатичные Солженицыну, — это крайне антипольские силы и традиции. Они несли Польше порабощение и вместе с польскими помещиками и капиталистами рыли пропасть между польским и русским народами. И наоборот: силы, на которые направлена закоренелая ненависть Солженицына, — это союзные и дружественные Польше силы, двукратно принесшие ей свободу и являющиеся сегодня надежным оплотом справедливых чаяний нашего народа» (Там же. С. 92–93. Перевод Д.К.). К этому насквозь фальшивому тексту мы вернемся в контексте печатных выступлений Солженицына в защиту свободной Польши, в том числе свободной и от своей коммунистической партии. Что же касается «двукратного освобождения» Польши советскими коммунистами, то «Новые дороги» имели в виду согласие Ленина в 1917 году на самоопределение, а также освобождение Польши от Германии Красной армией в 1944–1945 годах. Эти вопросы и по сей день являются предметами горячих споров в самой Польше.

⁴⁸ Wit. A. Sława Herostratesa czyli sensacja wokół książki Solżenicyna // Życie Warszawy. 1974. 9 stycznia. № 7. S. 5. Перевод Д.К.

⁴⁹ Simonow W. Solżenicyn na Zachodzie. Znamienne spotkanie z «wolnym światem» // Życie Warszawy. 1974. 24–25 lutego. № 47. S. 4. Пер. Д.К.

вый заместитель министра юстиции СССР Александр Сухарев оправдывает лишение автора «Архипелага ГУЛАГа» гражданства: «К числу лиц, лишенных гражданства СССР, сначала принадлежал Троицкий», а сегодня — несмотря на то что такой вид наказания применяется несоизмеримо реже — Президиум Верховного Совета СССР совершенно оправданно лишил гражданства Солженицына, поскольку «он вступил на путь предательства и продажности». Поэтому и факт изгнания из страны этого «рenegата» был, по мнению заместителя «министра юстиции», актом во всех смыслах справедливым⁵⁰. Летом 1975 в краковском литературном еженедельнике был опубликован перевод открытого письма Солженицыну дочери Александра Твардовского, Валентины, защищавшей отца — что вполне понятно — от критики в мемуарах Солженицына «Бодался теленок с дубом» (1975), но заодно отдававшей дань режиму, обвинив Солженицына в «националистическом шовинизме»⁵¹. С этого момента фамилия «Солженицын» в польской печати уже не пропускалась — с одним существенным исключением: в 1977, конечно по наущению советских товарищей из КГБ, тиражом в сорок тысяч экземпляров был опубликован перевод воспоминаний бывшей жены Солженицына Натальи Решетовской (1919–2003) под модифицированным заглавием «Солженицын — реалии и мистификации»⁵². Независимо от обличительных целей, эта книга — особенно для тех, кто ориентировался в вопросе (меня просветил Дравич), — могла быть частично полезной, поскольку в тогдашней Польше даже в специальных библиографических сборниках нельзя было упоминать о выходе — пускай лишь в газетах и журналах — произведений Солженицына на языке Мицкевича и Тадеуша Боровского⁵³.

⁵⁰ Suchariew A. «Sprawa Solżenicyna» widziana przez pryzmat prawa // Prawo i Życie. 1974. 28 kwietnia. № 17. S. 13. Стоит также упомянуть текст Гаса Холла (Hall; 1910–2000) — генерального секретаря КП США — который «изобличал» Солженицына даже по-польски. См.: Hall G. Zdemaskowanie awanturniczej antykomunistycznej afery // Problemy Pokoju i Socjalizmu. 1974. № 1. S. 135–139.

⁵¹ List córki Aleksandra Solżenicyna do Twardowskiego // Życie Literackie. 1975. 27 lipca. № 3. S. 2.

⁵² Rieszetowska N. Solżenicyn — realia i mistyfikacje / tłumaczył Szymon Marych. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1977. Русский оригинал «В споре со временем» (тираж не указан) был опубликован в 1975 АП «Новости», однако только для зарубежного распространения. Беспощадную критику книги Решетовской опубликовал в парижской «Культуре» М. Бронский. См.: Broński M. Panie opisują panów // Kultura. 1978. № 7–8. S. 207–210. Зато в самой Польше известный писатель Казимеж Орлось опубликовал в самиздатском толстом журнале отзыв о книге Решетовской, озаглавленный «Непреднамеренное свидетельство». См.: Orłoś K. Świadectwo mimo woli // Zapis. Warszawa. 1978. № 6. S. 120–123.

⁵³ Я был изумлен, когда, работая над статьей, не обнаружил в солидной 2-томной «Библиографии переведенной на польский язык литературы, изданной в 1945–1978 годах» фамилии «Солженицын», за исключением заглавия из воспоминаний Решетовской. См.: Bibliografia literatury tłumaczonej na język polski wydanej w latach 1945–1977. T. I–II. Warszawa: Czytelnik, 1978. Справедливости ради добавим, что газеты и журналы с переводами Солженицына из поль-

В пространстве польского зарубежья

О творчестве Александра Исаевича писала очень сильная и интеллектуально активная польская послевоенная эмиграция, особенно интеллектуалы, связанные с парижским толстым журналом «Культура» и его главным редактором Ежи Гедройцем (1906–2000). Он же издавал и серию «Библиотека “Культуры”», публикуя чрезвычайно важные произведения, запрещенные в советском блоке. Еще в 1953 в этой серии вышел польский перевод «1984» Оруэлла, «Трансатлантик» Гомбровича и «Порабощенный разум»⁵⁴ Милоша, в 1956-м — «Конец столетия идеологии» Раймонда Арона, в 1957-м — «Контра» Юзефа Мацкевича (о выдаче в 1945 англичанами Сталину казаков с генералом Красновым), в 1958-м — «Человек бунтующий» Камю, в 1959-м — «Доктор Живаго» в переводе Юзефа Лободовского, в 1960-м — «Глаз» Юзефа Чапского и «Возвращение в дивный новый мир» Хаксли, в 1961-м — «Фантастические повести» Абрама Терца (Андрея Синявского) на языке оригинала⁵⁵, в 1963-м — «Второе пришествие» Герлинга-Грудзинского, в 1966-м — «Русско-польская *entente cordiale* (ее начало и фундаменты, 1903–1905)» Вацлава Ледницкого (1891–1967), в 1968-м — «Размышления о прогрессе...» Андрея Сахарова, в 1969-м — «Духи революции» Герлинга-Грудзинского. Ежи Гедройц уже в 1960 издал на русском языке первый из трех номеров «Культуры»⁵⁶, на страницах которого с предложением диалога со свободно мыслящими русскими интеллектуалами выступили такие видные польские публицисты и писатели, как Юлиуш Мерошевский, Чеслав Милош, Юзеф Чапский, Юзеф Лободовский, Густав Герлинг-Грудзинский. Во вступительном заявлении редакция ссылалась на традиции Циприана Камиля Норвида⁵⁷, который в разгар жестокого подавления анти-

ских библиотек не изымались. Тем не менее когда я в середине 1980-х, публикуясь в краковском католическом журнале «Знак» (1983. № 3), попытался продвинуть фамилию Солженицына как соавтора «Из-под глыб» (1974) и в этом смысле наследника Владимира Соловьева, цензура этому помешала. Лет на десять раньше, 26 марта 1972 года, цензура зато пропустила во «Вроцлавском еженедельнике католиков» («Wrocławski Tygodnik Katolików») настолько пасквильный текст о Солженицыне некоего Ежи Романовского, что этот навет был даже перепечатан 7 апреля того же года в «Литературной России». Добавим, что «вроцлавские католики» — это члены тесно сотрудничающей с коммунистами организации с латинским названием РАХ (в переводе на русский звучит уже по-оружеловски — МИР).

⁵⁴ Ср.: Милош Ч. Порабощенный разум / пер. с польск. яз., предисл. и примеч. В. Британишского. СПб.: Алетейя, 2003.

⁵⁵ Именно это издание — вместе с опубликованными Гедройцем в 1963–1965 годах польскими переводами «Любимова» и «Мыслей врасплох» Синявского, а также книгой «Искушение и другие рассказы» Николая Аржака (Юлия Даниэля) — стало причиной суда над писателями. Гедройц в 1966 году опубликовал перевод сборника документов «Суд идет! Стенографический отчет из процесса Андрея Синявского и Юлия Даниэля».

⁵⁶ Очередные русскоязычные выпуски появились в 1971 и 1981 годах.

⁵⁷ Циприан Камил Норвид (1821–1883) — поэт, писатель, драматург, один из крупнейших польских поэтов.

российского восстания в Польше 1863 призывал «начать диалог с русскими», подчеркивал «необходимость существования сторонников Польши в России, как и сторонников России в Польше»: «Норвид указывает на то, что, помимо всех разногласий, которые разделяют Польшу и Россию, существует и то, что связывает эти два народа: целый мир общих переживаний, контактов, схожих черт характера, смешения крови...»⁵⁸ О самом важном, однако, написал Юлиуш Мерошевский (1906–1976), родовитый краковянин, бывший в то время лондонским корреспондентом парижской «Культуры» и ее главным, наряду с Гедройцем, политическим стратегом: «Россия (тогда все-таки СССР. — Г.П.) приступила в Восточной Европе к постройке своей империи сателлитов. Эта запоздалая концепция не имеет никаких шансов сохраниться в будущем... Поляк, выступающий с предложением нормализации русско-польских отношений, рискует тем, что соотечественники объявят его изменником, а русские отнесутся с величайшим недоверием. Условия, существующие ныне в наших странах, не дают возможности свободной дискуссии по этому вопросу. В качестве независимого польского журнала — представляющего значительный сектор польского общественного мнения как в самой Польше, так и за границей — мы берем на себя эту инициативу, будучи убежденными, что соглашению должен предшествовать обмен мнениями и попытка очистить атмосферу, по крайней мере, между нами здесь — в свободном мире. В прошлом главным источником раздоров между Польшей и Россией была борьба за гегемонию в Восточной Европе. Последним отголоском восточной политики давней Польши была киевская экспедиция И. Пилсудского. Эта глава истории окончательно закрыта. <...> Вместе с большинством наших соотечественников мы считаем настоящие границы Польши в принципе установленными и не предъявляем претензий ни к кому. Тем самым мы констатируем, что между Польшей и Россией нет споров о территории»⁵⁹. В таком широком — геополитическом — контексте, актуальном и сегодня, Ежи Гедройц издавал с начала 1970-х основные произведения Солженицына: «В круге первом» (1970) и «Архипелаг ГУЛАГ» (1974–1978) в переводах Михала Каневского⁶⁰, а также «Раковый корпус» (1971) в переводе Юзефа Лободовского. Однако солженицынскую карту «Культуры» польские эмигранты начали заполнять еще в 1962 году, когда вышел 92-й том упомянутой выше «Библиотеки “Культуры”» — «Собственными глазами. Антология современной

⁵⁸ *Kultura. Numer rosyjski. Paryż. 1960. S. 3* (Номер, посвященный польско-русским отношениям). Тем, что написали здесь в связи с польско-русскими отношениями Чапский, Милош, Лободовский, Герлинг-Грудзинский, я займусь подробно в будущей статье «Польские писатели о Солженицыне».

⁵⁹ *Мерошевский Ю. К вопросу о польско-русских отношениях // Kultura. Numer rosyjski. Paryż. 1960. S. 10.*

⁶⁰ Псевдоним Ежи Помяновского, основателя и главного редактора журнала «Новая Польша».

советской литературы», куда, в частности, вошли переводы «Жив человек» Владимира Максимова, «Вологодская свадьба» Александра Яшина, «Пережитое» Бориса Дьякова, «Вокруг да около» Федора Абрамова и «Матренин двор» (в переводе Лободовского), в коммунистической Польше по неизвестным причинам никогда не опубликованный.

Густав Герлинг-Грудзинский (1919–2000), автор глубокого и пронзительного «Иного мира» (1951–1953)⁶¹, в написанном в октябре 1963 года предисловии к антологии подчеркивал — на фоне других авторов, представленных в издании, — значение раннего творчества Солженицына, который (вопреки «методу Хрущева» и почти всей тогдашней «обличительной литературе») описал страдания и русских беспартийных — как простых людей, так и представителей интеллигенции: «Прежняя концепция достаточно скромной “обличительной” литературы в России основывалась на том, что если источником зла был коммунист, то его жертвой также становился коммунист. <...> Предпринимались попытки свести всю проблему к балансу “обид в семье”, к партийной переключке пострадавших и погибших <..>. Неверные были оставлены на обочине <...>. Солженицын нарушил этот заговор молчания. <...> Героями, жертвами в его рассказах стали темный колхозник Иван Денисович, неграмотная крестьянка Матрена, беспартийный актер из Москвы»⁶². Герлинг-Грудзинский обращал внимание также на весьма существенный момент в польско-русских отношениях: польские коммунисты, не разрешив публикации подобных антологий в самой Польше, по сути, боятся «усиления влияния советской “обличительной” литературы на существующую в Польше ненависть к России и русским: строй становится синонимом народа, нет различий между жертвами и палачами. Польский традиционный антирусский стереотип торжествует в тени “братской польско-советской дружбы”»⁶³. Знаменательно, что прошедший через ад советских лагерей Герлинг-Грудзинский на страницах «Иного мира», иногда называемого «польским Архипелагом», сумел отделить жертв от палачей, т.е. русский народ от коммунистической системы.

Густав Герлинг-Грудзинский сразу сумел оценить масштаб таланта Солженицына и в 1963–1969 написал о нем еще две статьи: «Егор и Иван Денисович» и «Русский реализм». В них он пытался сравнить первый опубликованный рассказ Солженицына с «Островом Сахалин» Чехова и рассуждал — вслед за уже упомянутой публикацией П. Личко — о полифоничности ро-

⁶¹ Герлинг-Грудзинский Г.И. Иной мир: Советские записки / пер. с польск. Н.Е. Горбаневской. Лондон: Overseas Publications Interchange, 1989. Второе издание: под ред. Э.И. Архиповой; пер. с польск. Н.Е. Горбаневской. М.: Прогресс, 1991.

⁶² Herling-Grudziński G. Księga krzywd. We własnych oczach. Antologia Współczesnej Literatury Sowieckiej. Paryż: Instytut Literacki, 1953. S. 13–14. Пер. Д.К.

⁶³ Ibid. S. 15.

манов «В круге первом» и «Раковый корпус», тогда еще не переведенных на польский язык⁶⁴. В статье «Егор и Иван Денисович» герой Солженицына выступает уже не только как жертва системы (так было во вступлении к антологии «Собственными глазами»), но и как ее пассивная опора, каковой был чеховский покорный Егор, инертный каторжанин: «Шестьдесят лет спустя мы наблюдаем на каторге правнука Егора, Ивана Денисовича Шухова. Послал ли ему Бог ума-разума? Помогла ли ему революция разобраться в своей доле? Выбил ли новый строй в нем “хотя бы искорку протеста”? Вернула ли ему новая власть “восприимчивость к своим и чужим страданиям”, наделила ли его способностью “отличить справедливость от беззакония”? Читая повесть Александра Солженицына, во всем этом можно усомниться»⁶⁵. «Сколь же несчастно общество, — восклицает польский писатель, — которое для своей защиты вынуждено звать на помощь палача!» — и напоминает, что сегодняшний главный политик СССР Никита Хрущев — быть может, «внук или правнук Егора» — в сталинские времена фотографировался вместе с Ягодой и Кагановичем на Беломорканале⁶⁶. Герлинг-Грудзинский не задает напрямую вопроса о том, где надежда и спасение, но этот вопрос подспудно звучит во всем его тексте: спасение в подвиге писателей, таких как Чехов и Солженицын — защитниках слабых, представителях нравственного трибунала. В статье «Русский реализм» Герлинг-Грудзинский, рассматривая проблему реализма в полифонических романах «В круге первом» и «Раковый корпус», вновь возвращается к защите личности (повторяя за Кантом: «Человека должно воспринимать как самодостаточную цель») и подчеркивает фундаментальную разницу между Шуховым и Глебом Нержиным («Раковый корпус»), а также Спиридоном («В круге первом»): «Узники “В круге первом” могут, вероятно, сказать о себе словами четвертой песни “Божественной комедии”: “Мы жаждем и надежды лишены”»⁶⁷. Взамен они — парадоксально — свободны: «Спиридон и Нержин, очевидно, *вместе* ближе всего автору

⁶⁴ См.: *Herling-Grudziński G. Jegor i Iwan Denisowicz // Herling-Grudziński G. Drugie przyjście oraz inne opowiadania i szkice. Paryż: Instytut Literacki, 1963. S. 244–250.* В 1978 году перевод статьи — как «одного из первых иностранных откликов на выход “Одного дня Ивана Денисовича”» — был опубликован в парижском «Континенте» (№ 18. С. 203–211). Переводчик не указан, но можно смело утверждать, что это Наталья Горбаневская. Этот же текст перепечатан в кн.: «Ивану Денисовичу» полвека: Юбилейный сборник: 1962–2012. М.: Русский путь, 2012. С. 386–391. См. также: *Herling-Grudziński G. Realizm rosyjski // Kultura. 1963. № 10. С. 93–102.* Статья, до сих пор не переведенная на русский язык, вошла также в авторский сборник Герлинга-Грудзинского «Духи революции»: *Herling-Grudziński G. Realizm rosyjski // Herling-Grudziński G. Upiory rewolucji. Paryż: Instytut Literacki, 1969. S. 115–128.*

⁶⁵ «Ивану Денисовичу» полвека. С. 389.

⁶⁶ Там же. С. 390–391.

⁶⁷ Из четвертой книги «Ада»: *Данте А. Божественная комедия / пер. с итал. М. Лозинского. М.: ГИХЛ, 1961. С. 38.* Интересно, что действие этой книги происходит в лимбе — круге первом, согласно Данте.

“В круге первом”». В конце статьи Герлинга — полное надежды заключение: «Де Кюстин почти полтора века назад заявил в “Письмах из России”⁶⁸, что апатия управляемых является силой правящих. Солженицын, торжественно обещающий на заседании Секретариата Союза советских писателей никогда не отказываться от продолжения традиций русского реализма, оспаривает безволие управляемых в постсталинской России»⁶⁹.

В № 4 «Культуры» за 1971 был опубликован «Диалог о Солженицыне» Герлинга-Грудзинского с его итальянским другом Николо Кяромонте. В этой и сегодня вызывающей большой интерес публикации затрагивались вопросы, говоря языком Достоевского, «исторические и вековечные» — проблема внутренней свободы человека в тоталитарном мире, судьба России в настоящем и будущем, бессмертие человеческой души. Польский участник «Диалога...» подчеркивает, что Солженицын является писателем прежде всего религиозным, универсальным, свидетельством чему является, к примеру, рассказ «Пасхальный крестный ход», кстати, также опубликованный в вышеназванном номере «Культуры» в переводе Каневского⁷⁰: «В маленьком шедевре “Пасхальный крестный ход” вероятно, куда более сильное воздействие, чем хулиганство насланной на Переделкино молодежи, оказывает образ просветленных и чистых лиц в праздник Муки и Воскресения»⁷¹. По мнению Герлинга-Грудзинского, Солженицын возвращает значение таким немодным и даже «устаревшим» на Западе 2-й половины XX века ценностям, как «душа, личность, правота, любовь, истина, тоска по бессмертию»⁷². Здесь мы находим также остроумные замечания польского писателя-лагерника о специфике языка Солженицына и качестве польских переводов его произведений: «Во время моего пребывания в России я выучил русский язык дважды. Сначала для нужд следствия и общения с товарищами по тюрьме и лагерю. Затем — для понимания всех аллюзий, молчаливых пауз, специальных выражений, значительно модулируемых или незаконченных во всех их рассказах о себе. Итак, вспоминая те времена и читая Солженицына в оригинале, я не мог избавиться от ощущения, что кто-то, кто за многие годы привык к шепоту, вдруг заговорил громко, во весь голос. Среди известных мне польских переводов особенный, драматичный тон двухуровневой солженицынской прозы я нашел лишь в переводе “В круге первом” Михала Каневского. Кто знает, быть может, здесь действует какой-то закон общего пространства национального и политического опыта?»⁷³

⁶⁸ Русский перевод названия книги Кюстина — «Россия в 1839 году».

⁶⁹ «Ивану Денисовичу» полвека. С. 124, 121, 128.

⁷⁰ Kultura. 1971. № 4. S. 11–14. Стоит напомнить, что Михал Каневский — псевдоним Ежи Помяновского.

⁷¹ Там же. С. 7. Пер. Д.К.

⁷² Там же. С. 5.

⁷³ Там же. С. 9.

В контексте исследований творчества Солженицына в 1974 в «Культуре» появлялись, естественно, прежде всего статьи о первом и втором томах «Архипелага ГУЛАГа» — русского историка Михаила Геллера (1922–1997)⁷⁴, лауреата Нобелевской премии Генриха Белля (1917–1985) и постоянного публициста «Культуры» брюссельского поляка Матея Бронского⁷⁵. Как отмечал Геллер, «новый Вергилий — Александр Солженицын — проводит читателя по всем — вплоть до последнего — кругам ада. Новый Данте говорит все»⁷⁶. Белль же адресовал польскому читателю посвященный «Архипелагу...» текст «Божественная горечь Александра Солженицына» — публикация появилась в № 6 «Культуры» за 1974. В том же году текст Белля стал предисловием к первому тому польского перевода эпопеи Солженицына. «О нет, в этой книге нет ненависти к русскому народу, эта книга — просьба и призыв, чтобы все мы наконец освободились от сидящего глубоко в нас внутреннего страха. Эта книга как нельзя более человечна, хоть и посвящена нечеловеческим деяниям и событиям; она исключительно прекрасно написана»⁷⁷. Текст Бронского с эпиграфом о тирании из «России в 1839» маркиза де Кюстина, является, в сущности, кратким изложением первого тома «Архипелага...» с акцентом на верховенстве нравственности над политикой у Солженицына и открытием двух начал «зла Архипелага»: «жажды власти и трусливости»⁷⁸. Редакция успела сопроводить текст Бронского информацией, что Солженицын 13 февраля 1974 был лишен советского гражданства и «насильно выдворен из СССР, вывезен самолетом во Франкфурт к Генриху Беллю»⁷⁹. По воспоминаниям редактора «Культуры» Е. Гедройца, вскоре после этого в Цюрихе состоялась встреча его и Юзефа Чапского с автором «Архипелага...», и эта польско-русская группа «трех мушкетеров» поговорила от души по-русски о польских делах: «Вскоре после того, как Солженицын был принудительно выслан на Запад, он пригласил Юзя и меня в Цюрих. Был вечер, во время которого он делился своими воспоминаниями, а затем попросил нас остаться, и у нас состоялась чрезвычайно интересная дискуссия о польских делах, Солженицын знал о “Культуре”, хотя сам и не читал по-польски. Встреча с ним была для меня важным событием и навсегда осталась в моей памяти. Когда Максимов приехал в Париж, Солженицын посоветовал ему обратиться к нам по вопросу организации журнала, что привело к нашему вхождению

⁷⁴ В журнале Е. Гедройца Михаил Геллер публиковался на польском языке, используя псевдоним Адам Кручек.

⁷⁵ Псевдоним Войцеха Скальмовского (1933–2008).

⁷⁶ *Kruczek A. Życie i śmierć w łagrach (tom II «Archipelagu Gułag») // Kultura. 1974. № 7–8. S. 217.* Перевод Д.К.

⁷⁷ *Böll H. Boska gorycz Aleksandra Sołżenicyna / przekład z niemieckiego J. Stroynowski. Kultura. 1974. № 6. S. 38.* Пер. Д.К.

⁷⁸ *Broński M. Archipelag. Kultura. 1974. № 3. S. 41, 49.*

⁷⁹ *Ibidem. S. 40.*

в “Континент”»⁸⁰. Юзеф Чапский (1896–1993), также написавший мемуары о пребывании в СССР в качестве узника после 17 сентября 1939⁸¹, вспоминал о цюрихской пресс-конференции Солженицына в ноябре 1974: «Сталинизм? Это слово он перечеркивает с презрением — оно ничего не значит, это лишь ширма, которой люди прикрывают уже мертвую идею. И добавляет: “Я сам попал за решетку, утверждая, что Сталин искажил идеи Ленина, что Ленин был хороший, а Сталин плохой. Я ошибался — Сталин прилежно продолжал ленинскую линию. Сегодня мы уже слышим, что и Ленин нехороший, потому что фальсифицировал идеи Маркса; может быть, на Западе Маркс все еще является движущей силой для тех или иных начинаний, но в России, в Стране Советов, благодаря власти этих советов, в течение ста лет имени Маркса даже упомянуть будет нельзя”»⁸². Две появившихся в то время публицистических статьи Солженицына были опубликованы не в «Культуре», а в другом польском эмигрантском журнале — «Приложении» («Анекс»), издававшемся сперва в Уппсале, а затем в Лондоне в 1973–1990. В № 4 за 1974 этого журнала появился анонимный перевод «Жить не по лжи!», а в №№ 7–8 за 1974–1975 — «Письмо вождям Советского Союза»⁸³. Обширный одобрителный отклик на последнюю публикацию, подписанный «Н.Н. из Варшавы», был опубликован в № 7–8 «Культуры»⁸⁴. Интересно, что

⁸⁰ *Giedroyc J. Autobiografia na cztery ręce / opracował i posłowiem opatrzył Krzysztof Pomian. Warszawa: Czytelnik: 1999. S. 197. В письме Чеславу Милошу от 20 ноября 1974 года Гедройц писал, что он уговаривал Солженицына написать, в духе взаимопонимания, открытое письмо украинскому грекокатолическому кардиналу Иосифу Слипому, добавляя: «Кончилось тем, что Солженицын на прощание вдруг обнял меня и расцеловал... что было так сердечно и мило. Он, в общем, производит великолепное впечатление своей прямоотой и большим личным обаянием. Кто знает, может быть, удастся нам организовать польскую партию в России, о которой так мечтал Норвид, а во всяком случае, это и есть первый серьезный шаг на пути нормализации отношений в Восточной Европе» (*Giedroyc J., Miłosz Cz. Listy 1973–2000 / opracował Marek Kornat. Warszawa: Czytelnik, 2012. S. 493*).*

⁸¹ Чапский Ю. На бесчеловечной земле. М.; Wrocław: Летний сад; Коллегиум Восточной Европы им. Яна Новака Езеранского, 2012. Предисловие к книге под названием «Русофил старого закала» написал Адам Михник.

⁸² Чапский Ю. Солженицын // Новая Польша. 2015. № 6. С. 6. На польск. яз.: *Czapski J. Solżenicyn // Kultura. 1974. № 12. S. 3–9*.

⁸³ *Solżenicyn A. Życ bez kłamstwa // Aneks. 1974. № 4. S. 139–141; Jdem. List do przywódców Związku Radzieckiego // Ibid. № 7–8. S. 139–141*.

⁸⁴ *N.N. z Warszawy. Jak rozumiem list Solżenicyna do przywódców // Kultura. 1974. № 7–8. S. 3–20 (Н.Н. из Варшавы. Как я понимаю «Письмо вождям Советского Союза»)*. См. также номер, посвященный польско-русским отношениям: 1981. № 3. С. 209–228. В этом русском номере опубликован также другой, уже редакционный, текст, озаглавленный «Ошибка Солженицына», где редакция — а практически сам Ежи Гедройц, — относясь к трем статьям Солженицына из сборника «Из-под глыб», пишет следующее: «Солженицын... шире развивает свой давний страстный протест против тезиса о советской системе как российском явлении. Он прав, клеймя опасную тенденциозность этого тезиса, доведенного до преувеличения, — но и сам грешит преувеличением. Резко предостерегая против универсального зла коммунизма, он теряет чувство меры, обеляя, идеализируя старую Россию, он заходит так далеко, что из ее образа мы вы-

польский автор практически полностью одобрял послание и, старательно излагая его тезисы, добавлял важное замечание: «Возвращаясь в этой связи к польскому делу, как не прибавить, что русский патриот, провозглашающий ликвидацию империи — хотя побуждают его к этому не столько наши интересы, сколько собственное понимание добра своего народа, — лучший союзник польского дела, и можно только желать, чтобы таких союзников было больше»⁸⁵. Оказалось впоследствии, что автором этих слов был Виктор Ворошильский⁸⁶. В 1970-х в «Культуре» публиковались также отзывы на следующие русские издания: «Август Четырнадцатого» (№ 3 за 1974), воспоминания «Бодался теленок с дубом» (№ 4 и 10 за 1975), «Ленин в Цюрихе» (№ 11 за 1975), сборник «Из-под глыб» (№ 1–2 за 1975) и 3-й том «Архипелага...» (№ 6 за 1976). В 1980-е «Культура» стала трибуной для защитников пытавшейся встать с колен Польши времен Иоанна Павла II и «Солидарности».

На возврате дыхания и сознания

Как уже отмечалось ранее, в 1970-е в Польше публично нельзя было упоминать даже имени Солженицына, однако сведения о писателе приходили в нашу страну через парижский журнал «Культура» и мюнхенское польскоязычное «Радио Свободная Европа». Об этом, в частности, писал 26 марта 1977 года самому Солженицыну в открытом письме Ян Новак, в период с 1951-го по 1976-й главный директор этой радиостанции: «“Радио Свободная Европа” в наших польских программах много лет — почти ежедневно — повторяло Ваше имя, и все, что вышло из-под Вашего пера, воспроизводилось по-польски и достигало миллионов моих соотечественников, которые, слушая

носим впечатление в принципе здорового организма, ни с того ни с сего пораженного революционно-коммунистическим раком, а отнюдь не уже гниющего ствола “русской традиции”, на котором прививка советской системы в конце концов могла приняться» (Там же. С. 230–231).

⁸⁵ *Голос из Варшавы. Редакция журнала «Культура»*. Как я понимаю «Письмо вождям» // *Континент*. 1974. № 1. С. 252. Очевидно, после прочтения именно этого перевода Солженицын в частном письме Гедройцу, от 11 июля 1974 года выражал радость, что автор из Восточной Европы — вопреки высказывающимся безумно критически о «Письме вождям» — так хорошо понял его идеи (это и другие письма Солженицына Гедройцу хранятся в архиве «Культуры» и «Литературного института» в Мезон-Лаффит, пригороде Парижа).

⁸⁶ Это известно благодаря Наталье Горбаневской: «В первом номере “Континента” была напечатана статья — отклик на солженицынское “Письмо вождям Советского Союза” за двойной подписью: “Голос из Варшавы” и “Редакция журнала “Культура””. О том, чтобы подпись журнала была поставлена под статьей, просил Гедройц Максимов в одном из своих писем — видимо, чтобы подчеркнуть, что журнал разделяет взгляды анонимного автора. Этим автором был Виктор Ворошильский, который уже в 1990-е годы не без гордости напоминал, что был автором “Континента” с самого первого номера» (Максимова Т., Горбаневская Н. «Культура» — «Континент», Ежи Гедройц — Владимир Максимов // *Новая Польша*. № 2006. № 12. С. 81).

нас, с затаенным дыханием следили за Вашей судьбой. Мы были единственным отделом РСЕ, который благодаря помощи Ежи Гедройца, редактора парижского журнала “Культура”, целиком, изо дня в день, по пятнадцать минут ежедневно, передал Вашу горькую эпопею мук человеческих — “Архипелаг ГУЛаг”⁸⁷, не опустив ни одного слова, ни одной запятой. И я не преувеличу, утверждая, что благодаря “Культуре” и РСЕ ни один русский не был в истории польской нации предметом такого уважения и симпатии, какими Вы окружены сейчас в Польше»⁸⁸. Несмотря на систематическое глушение властями коммунистической Польши, «Радио Свободная Европа» и в 1970-е с успехом вещало через железный занавес, а польские переводы книг Солженицына и других опальных авторов с огромным риском перевозились через границу отчаянными смельчаками. Несколько таких смельчаков — так называемые татранцы (*taternicy*), так как они организовали перевоз запрещенных книг из Франции в Словакию, а затем через Высокие Татры в Польшу — были схвачены в мае 1969 и в феврале 1970 приговорены к суровому, даже по тогдашним меркам, наказанию — от трех до пяти лет лишения свободы. Один из татранцев — историк и социолог Якуб Карпинский (1940–2003), осужденный на четыре года, — описал в парижской «Культуре» (№ 11 за 1971) этот «процесс против книг» прямо из тюрьмы. А другой свидетель того времени, Виктор Кулерский — ныне член редакции «Новой Польши», а тогда учитель в одной из варшавских школ — вспоминал уже в 1988, как один из его учеников, тринадцатилетний подросток, признавался, что прочитал тайком домашний экземпляр «Архипелага...», когда родителей не было дома⁸⁹. Поэт Антоний Павляк писал, что впервые прочитал «Раковый корпус» в Гданьске в 1972 и поныне помнит, как во время чтения «сердце обрывалось в нем каждый раз, когда за дверью слышался звук шагов по лестнице»⁹⁰. Другая ситуация, имевшая место в 1970-е: «“Вы читали Солженицына?” — спросил молодой поэт и актер из Познани Лех Дымарский у русского режиссера, который приехал на театральный фестиваль во Вроцлав. Такой разговор мог состояться благодаря распространению запрещенных текстов в Польше. Тот ответил, что хотел бы, но боится: “Даже разговор о Солженицыне может стать для меня опасным”, — резко бросил и замолчал»⁹¹. В Польше в среде читающей молодежи было стыдно не знать Солженицына, и прощали это великодушно только мечтателям, живущим в польском романтизме. Томаш Яструн, главный

⁸⁷ Добавим, что в конгениальном переводе Михала Каневского (Ежи Помяновского).

⁸⁸ Новак Я. Звуковые барьеры радиовещания: Открытое письмо Солженицыну // Континент. 1977. № 12. С. 261.

⁸⁹ См.: *Kulerski W. Latająca biblioteka // O «Kulturze»: Wspomnienia i opinie / red. G. i K. Pomianowowie. L.: Puls, 1987. С. 121.*

⁹⁰ *Pawlak A. 91, avenue de Poissy // Ibid. С. 112.*

⁹¹ *Sowiński P. Zakazana książka. Uczestnicy drugiego obiegu 1977–1989. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych Polskiej Akademii Nauk, 2011. S. 28.*

редактор варшавского подпольного журнала «Призыв» («Wezwanie»), говоря о первом собрании редакции в 1982, вспоминал: «Мы встретились у Ивоны Смолки, литературного критика и человека неистощимой энергии. <...> Все в большей или меньшей степени пережившие последствия военного положения. <...> Ярек Маркевич тогда только-только отошел от мистического времени Словацкого, поэтому никто не удивился его внезапному вопросу о том, кем был Солженицын»⁹².

Знаменательно, что во второй половине 1970-х второй по счету книгой в рождавшемся в Люблине польском самиздате — вслед за расследованием «Katyn: Massacre dans la forêt» Я.К. Заводного — стал польский перевод «Архипелага...». Книгу подготовил в домашних условиях парижский стипендиат Петр Еглинский, который нелегально привез из Франции один из томов эпопеи, сфотографировал его страницы и сложил из фотографий увесистую пачку высотой в 10 сантиметров⁹³. Если говорить о технике подготовки книг, польские независимые издатели сначала шли по следам «старшего брата» — самиздата в СССР⁹⁴: книги переписывали на пишущих машинках, получая все больше копий. Однако вскоре ученик перерос учителя: в Польше запрещенные книги начали печатать на ротаторах, нелегально перебрасываемых из-за границы. Тиражи таких изданий варьировались в пределах от пятисот до нескольких тысяч экземпляров. Конечно, если речь идет о Солженицыне, проблема заключалась не только в том, как печатать, но и в том, что печатать. И здесь снова понадобился Гедройц — изданные им переводы «Архипелага ГУЛАГа», «Ракового корпуса», «В круге первом» в 1980-е печатались в маленьком формате в польских подпольных издательствах (два последних романа — только в 1987–1989 в Кракове, уже на закате правления коммунистов). Запрещенные книги, кстати, тайком печатались также в государственных типографиях — часто по ночам, благодаря рабочим-печатникам, зарабатывавшим за это немалые деньги. Именно так в государственной типографии в Торунь в 1981 было напечатано первое полное издание польского «Архипелага...». А в середине 1980-х, когда уровень подпольной типографии был уже достаточно высок, аналогичное издание вышло в домашних условиях во Вроцлаве. Нелегально отдельными книгами издавались и ста-

⁹² *Olaszek J. Rewolucja powielaczy. Niezależny ruch wydawniczy w Polsce 1976–1989. Warszawa: Trzecia Strona, 2015. S. 245.* Пер. Д.К. Заглавие по-русски: «Революция полиграфических ротаторов. Вольное издательское движение в Польше 1976–1989».

⁹³ См.: *Ibid.* S. 20. Уже в 1977 году появился в польском самиздате, без обозначения места и даты издания, фрагмент перевода «Архипелага...» (24 страницы) Михала Каневского под заглавием «Свободная страна» («Wolny kraj»).

⁹⁴ Солженицын писал 12 февраля 1974 года в «Жить не по лжи!»: «Когда-то мы не смели и шёпотом шелестеть. Теперь вот пишем и читаем Самиздат...» (*Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1995. Т. 1. С. 187*). Наш польский самиздат начался позже, на рубеже 1970–80-х годов.

рые переводы: «Один день Ивана Денисовича», читавшийся повсеместно с 1980 благодаря стараниям варшавского подпольного издательства «НОВА» («NOWA»), «Рассказы» (1981), фрагменты из «Бодался теленок с дубом» (с 1980)⁹⁵, многократно «Гарвардская речь» под оригинальными заглавиями «Солженицын предостерегает» и «Закат мужества» (перепечатки перевода речи с французского, впервые опубликованного в 1978 в канадском Виннипеге в польском журнале «Время» («Czas»))⁹⁶, совсем новый, анонимный перевод пьесы «Олень и шалашовка» (с 1981)⁹⁷, «Письмо вождям Советского Союза» (с 1981), «Ленин в Цюрихе» (1983). В журнале «Критика» уже в 1978 (№ 1) появилась «Образованщина». Публиковались также — по эмиграционным изданиям — тексты о Солженицыне: «Мертвый дом Достоевского и Солженицына» Михайло Михайлова (1981, впервые — в «Культуре», № 9 за 1965), «Солженицын и Запад» А. Безансона (1980), полемика Солженицына и Сахарова (1981), полемика Ричарда Пайпса с Гарвардской речью (№ 9–10 за 1984 год краковского «Малопольского ежемесячного журнала» («Miesięcznik Małopolski»), издаваемого профессором Люцианом Суханеком). Уже в 1981 увидела свет — как перепечатка очередного, 236-го уже тома парижской «Библиотеки “Культуры”» (1973) — брошюра «Против рабства. Голос свободной России» с предисловием Лешека Колаковского, с текстом Солженицына «Мир и насилие» (сентябрь 1973), где была поддержана кандидатура Андрея Сахарова на получение Нобелевской премии мира⁹⁸, небольшой статьей Адама Кручека (Михаила Геллера) «Слово истины», с открытым письмом в защиту Сахарова и Солженицына Лидии Чуковской «Гнев народа»⁹⁹. Важную роль сыграл переведенный Михалом Каневским «Концентрационный мир и советская литература» Михаила Геллера с предисловием Герлинга-Грудзинского «Диагноз — рак» (в 1974 опубликованный в «Библиотеке “Культуры”», а в 1981 перепечатанный варшавским подпольным издательством «НОВА»). «Архипелаг ГУЛАГ» издавался в общей сложности двадцать два раза (однако в основном фрагментарно), а вообще произведения Солженицына — пять-

⁹⁵ *Solżenicyn A. Łbem o mur.* Warszawa: NOWA, 1980. 53 S. [=Biuletyn Informacyjny. Przegląd Prasy Zagranicznej. Numer specjalny]. Издание снабжено примечаниями и вступлением переводчика, фамилия которого не указана.

⁹⁶ *Solżenicyn A. Solżenicyn ostrzega / tłumaczył K.Z. Hanff.* Nowy York, 1975. *Idem.* *Zmierzch odwagi.* Warszawa: Biblioteka Literacka, 1980.

⁹⁷ *Solżenicyn A. Ladacznica i niewinny.* Warszawa: Grot, 1981; *Idem.* *Ladacznica i niewinny.* Warszawa: Niezależna Spółdzielnia Wydawnicza, wrzesień [сент.], 1981. *Dzieła Wybrane.* T. I. Переводчик не указан.

⁹⁸ *Солженицын А.И.* Мир и насилие. Письмо в норв. газ. «Афтенпостен», 5 сент. 1973 // *Русская мысль.* 1973. 25 окт. С. 3. См. газ. «Aftenposten» от 11 сент. 1973.

⁹⁹ *Przeciw niewolnictwu. Głos wolnej Rosji: Dokumenty.* Warszawa: Signum, 1981. Тут еще опубликован сокращенный вариант интервью А.И. Солженицына для агентства Ассошиэйтед Пресс и газеты «Монд» (Москва, 23 августа 1973).

десять четыре раза, что давало ему первое место среди зарубежных авторов. В тройку лидеров входил Оруэлл (сорок пять изданий) и очень популярный в Польше Владимир Буковский (тридцать публикаций)¹⁰⁰. Все это читалось и преподавалось студентам в краковском Ягеллонском университете, обсуждалось в коридорах вузов, в общежитиях и в разговорах сразу после антиправительственных манифестаций, организованных 13-го числа каждого месяца и приуроченных ко дню введения генералом Ярузельским военного положения — 13 декабря 1981. А накануне этого печального события — 11–12 декабря 1981 — Институт русской филологии Ягеллонского университета и Общество гуманитариев Независимого объединения студентов (*Towarzystwo Humanistyczne Niezależnego Zrzeszenia Studentów*) организовали научную конференцию «Лики России», которая начала работу в день рождения Александра Солженицына. Открывало конференцию чтение письма организаторов, адресованного автору «Архипелага ГУЛАГа»: «В послеавгустовской Польше возрос интерес к России, ее истории, культуре и литературе. Поляки желают познать истинный образ Вашей родины, иной, нежели тот тенденциозный, примитивный и фальсифицированный, который подавала пропаганда. До сих пор было много запретных тем, официальной идеологией признанных излишними, вредными, опасными. Наша конференция — это попытка, наверное не последняя, представить писателей, мыслителей и политиков, без которых знания о России, о ее прошлом и настоящем не могут быть полными»¹⁰¹.

Краковская конференция вызвала небывалый интерес у широкой публики. Переполненный актовый зал, толпы у его дверей и в коридоре главного корпуса университета. В числе выступавших были Рышард Лужный¹⁰² (говорил о Максимове), Юзеф Смага, Люциан Суханек (об Александре

¹⁰⁰ *Sowiński P. Zakazana książka. S. 299–301.* Вся библиография подпольных изданий в Польше была опубликована на 1156 страницах в книге: *Kandziora J., Szymańska Z. Bez cenzury 1976–1989. Literatura. Ruch Wydawniczy. Teatr. Warszawa: Instytut Badań Literackich, 1999.*

¹⁰¹ *Oblicza Rosji. Lublin: Fundusz Inicjatyw Społecznych, 1987 (изд. подпольное).* Перевод фрагмента Н. Горбаневской. Автором письма был поныне действующий русист, известный специалист по культуре русской эмиграции, профессор Ягеллонского университета Люциан Суханек.

¹⁰² *Лужный Рышард (1927–1998) — выдающийся польский славист, писал о культуре Древней Руси, Аввакуме, Пушкине, Толстом, Тютчеве, Достоевском, Николае Федорове, старых и новых писателях украинских и белорусских, о «славянском учении» Иоанна Павла II. Автор программной статьи «Может ли русистика прислужиться делу евангелизации?», опубликованной в польском самиздате, дословно в первые месяцы его существования (Czy rusycystyka może służyć dziełu ewangelizacji? // Spotkania. Niezależne pismo młodych katolików. Lublin. 1978. № 7. S. 34–39).* Его краковское выступление опубликовано также по-русски: *Лужный Р. Владимир Максимов и другие. Религиозное течение в современной русской литературе // В литературном зеркале: О творчестве Владимира Максимова. Париж; Нью Йорк: Третья волна, 1986. С. 61–73.*

Зиновьеве), Анна Разьны (о Шаламове), Миловит Кунинский (об Амальрике), Юзеф Тишнер¹⁰³ («Гегель и Россия») и конечно Анджей Дравич, выступивший с докладом «А.И. Солженицын — человек, дело, творчество»¹⁰⁴. Автор данной статьи, тогда студент, также имел возможность прочитать доклад «Приказ забыть, или Почему не опубликовали роман “Раковый корпус” Солженицына»¹⁰⁵. С этого выступления началось мое долгое, продолжающееся по сей день путешествие с Солженицыным. Следующей вехой моей научной деятельности была защита в июне 1983, еще во время военного положения, дипломной работы на тему «А. Солженицын — писатель и мыслитель перед лицом славянофильской традиции», — вероятно, чуть ли не единственной на эту тему в коммунистическом блоке¹⁰⁶. О Солженицыне тогда в Польше писали лишь в подпольных журналах, в частности в краковской «Арке»¹⁰⁷, которая тесно сотрудничала с парижской «Русской мыслью», и мне самому приходилось перевозить через границу в столицу Франции осенью 1987 13-й номер журнала за 1986. Там, в частности, было

¹⁰³ *Тишнер* Юзеф (1931–2000) — известный польский богослов и философ, друг Иоанна Павла II, первый капеллан профсоюза «Солидарность». Поклонник Макса Шеллера и Эммануэля Левинаса, проповедовал «философию диалога» и «этику солидарности». В своей работе «Спор о существовании человека» (1998) сравнивал трагический «опыт Колымы» с «опытом Аушвица», ссылаясь, в частности, на Шаламова. См.: *Тишнер* Ю. Избранное / пер., сост., авт. предисл. Е.С. Твердислова. М.: РОССПЭН, 2005. Т. I–II («Спор о существовании человека» находится во втором томе изд.). Ср.: *Пшебинда* Г. Юзеф Тишнер — капеллан Краковский и всея Польши // Новая Польша. 2000. № 7–8. С. 76–77.

¹⁰⁴ *Drawicz* A. Aleksander Isajewicz Solżenicyn — człowiek, dzieło, sprawa // *Ibid.* S. 16–23.

¹⁰⁵ *Przebinda* G. Rozkaz: zapomnieć czyli dlaczego nie opublikowano «Oddziału chorych na raka» Aleksandra Solżenicyna: Materiał faktograficzny z komentarzem // *Ibid.* S. 24–30.

¹⁰⁶ Н.Е. Горбаневская в 1997 году в своей корреспонденции из Кракова писала: «Были выступления поэтов “по специальности”... мы, трое русских, Александр Кушнер, Евгений Рейн и я, — перед студентами и преподавателями Института русской филологии Ягеллонского университета. Здесь, кстати, среди хозяев был еще один старый друг — мой, моих сыновей и нашей редакции, — Гжегож Пшебинда. Увы, мне пришлось перед ним извиниться (заодно извинюсь и перед читателями “РМ”): переводя его воспоминания об Анджее Дравиче и зная, что он давно уже занимается Вл. Соловьевым, я глазам своим не поверила, увидев в тексте, который переводила, слова о том, что он писал (в 1983 г., когда еще не было снято военное положение!) диплом о Солженицыне. Наверно, решила я, в “Тыгоднике повсехном” опечатка, и вместо Солженицына вставила Соловьева. Нет, не опечатка: Гжегож действительно защитил тогда диплом о Солженицыне, потом занялся Вл. Соловьевым, а теперь пишет докторскую об истории русской общественной мысли от Чаадаева до Бердяева» (*Горбаневская* Н. Сойтись ли вместе Востоку и Западу?: Заметки о краковской встрече поэтов // Русская мысль. 1997. 16–22 окт. № 4193. С. 14.

¹⁰⁷ Выходила в 1983–1989 годах. Главным редактором был известный поэт Ян Польковский. Заглавие по-польски имеет двойное значение — «арка» и «ковчег». В 1991 уже в легальном издательстве «Арка» будет опубликована 10-тысячным тиражом — по моей, руководителя издательства, инициативе — книга А.И. Солженицына «Как нам обустроить Россию?: Посильные соображения».

опубликовано выступление А.И. Солженицына, датированное 31 декабря 1981, осуждающее введение военного положения в Польше¹⁰⁸. Довольно много о Солженицыне — в связи с его Гарвардской речью — говорила в интервью, взятом мною в Париже в сентябре 1987 и опубликованном в № 25 за 1989 подпольной «Арки», Ирина Иловайская-Альберти¹⁰⁹. Нужно также упомянуть единственную отдельную книгу об авторе «Архипелага...» — изданный в Кракове в 1983 «Урок Александра Солженицына» Енджея Бурты (псевдоним краковского слависта Юзефа Смаги, крупного специалиста по Достоевскому, выступившего на вышеупомянутой конференции «Лики России» с рефератом о Льве Троцком). В 1985 в варшавском журнале «Карта» (№ 3) был опубликован диалог поэта Петра Мицнера — ныне редактора «Новой Польши» — с Анджеем Дравичем об идеологических течениях в русской эмиграции (наиболее обширно говорилось о Солженицыне) под заглавием «Куда ты мчишься, Россия?»¹¹⁰. В 1986 Дравич подготовил подпольную брошюру «Вольная русская литература», в которой писал о самиздате и тамиздате, о трех волнах русской эмиграции, посвятив отдельную главу Солженицыну и его произведениям от «Одного дня...» до «Октября Шестнадцатого»¹¹¹. Еще в 1989 в выходящем из подполья варшавском издательстве «Критика» появилось вдумчивое эссе о Солженицыне американского политолога и литературного критика Нормана Подгорца из сборника «Кровавый перекресток. Где встречаются литература и политика». В этом же году в Кракове были опубликованы «Крохотки 1958–1960» в новом переводе Ворошильского¹¹², а в томик вошли также «Правая кисть» и «Пасхальный крестный ход»¹¹³.

¹⁰⁸ Небольшая статья, написанная в Вермонте в декабре 1991 года для французского журнала «Экспресс».

¹⁰⁹ Rozmowa z Iriną Howajską-Alberti, redaktorem naczelnym tygodnika «Russkaja Mysl» // Arka. 1989. № 25. С. 64–72. Русский обратный перевод с польского авторства Натальи Горбаневской опубликован под заглавием «“Процесс внутреннего освобождения будет продолжаться”: Беседа с Ириной Иловайской» (Новая Польша. 2008. № 5. С. 74–81).

¹¹⁰ Pławski J. <Петр Мицнера>. «Dokąd pędzisz Rosjo?»: Rozmowa z Andrzejem Drawiczem // Karta. Warszawa. 1985. № 2. S. 30–38.

¹¹¹ Drawicz A. Wolna literatura rosyjska. Warszawa, 1986. (Zeszyty Edukacji Narodowej. Literatura). Польский ученый ссылался в своей работе на глубокую книгу Жоржа Нива о Солженицыне, изданную в 1980 году в Париже, которая была уже тогда и в моей библиотеке — я получил ее от самого автора, приехавшего к нам в Ягеллонский университет в конце ноября 1983 года на международную конференцию о Борисе Пастернаке, организованную профессором Суханеком.

¹¹² Первый перевод Юзефа Лободовского («Wiersze prozą»), перепечатанный в 1981 году в варшавском подпольном сборнике «Рассказы» (Solżenicyn A. Opowiadania. Warszawa, NOWA: 1981), был опубликован в 1970 году в № 7–8 «Культуры». Ранее, в № 12 «Культуры» за 1969 год, Лободовский опубликовал свой перевод «Правой кисти».

¹¹³ Solżenicyn A. Okruchy / przełożył Wiktor Woroszyński. Kraków: Oficyna Literacka, 1989.

Бирнамский лес пошел

В 1980-е годы, читая очередные произведения Солженицына, как художественные, так и политико-философскую публицистику, я еще не вполне осознавал, что автор «Архипелага...» неоднократно, даже, можно сказать систематически, поддерживал попытки Польши освободиться от коммунистического правления и выйти из коммунистического блока, что могло дать начало его распаду. Солженицын делал это, конечно, во имя России — но ведь также «за нашу и вашу свободу», апеллируя, однако, не к совместной борьбе с оружием в руках, как это было среди революционной молодежи в XIX веке начиная с ноябрьского восстания 1830, а к духовному возрождению на нравственно-религиозных основах. Сегодня уже мало кто помнит, что первое благосклонное высказывание Солженицына о Польше, а точнее о польской католической церкви, было сделано весной 1972 в «Великопостном письме» патриарху Пимену: «Сумеет ли мы восстановить в себе, — спрашивал писатель, — хоть некоторые христианские черты или дотеряем их все до конца и отдадимся расчетам самосохранения и выгоды? Изучение русской истории последних веков убеждает, что вся она потекла бы несравненно человечнее и взаимосогласнее, если бы Церковь не отреклась от своей самостоятельности и народ слушал бы голос ее, сравнимо бы с тем, как, например, в Польше. Увы, у нас давно не так»¹¹⁴. В 1974 в фундаментальной статье «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни» Солженицын писал — как никто из великих русских писателей и мыслителей ни до, ни после него — о винах старой и новой России перед Польшей: «Три раздела Польши. Подавление восстаний 1830 и 1863 годов. После того русификация: вовсе запретили начальную польскую школу, в гимназиях даже польский язык преподавался на русском и был не обязателен, на квартирах ученикам между собою запрещалось говорить по-польски! В XX веке — упорное вымучивание, как не дать Польше независимость, лукавое двусмысленное поведение русского руководства в 1914–16 годах. <...> ...высокоблагородный удар в спину гибнущей Польше 17 сентября 1939 года; и уничтожение цвета Польши в наших лагерях; и отдельно Катынь; и злорадное холодное наше стояние на берегу Вислы в августе 1944 года, наблюдение в бинокли, как на том берегу Гитлер давит варшавское восстание национальных сил — чтоб им не воспрять, а мы-то найдем, кого поставить в правительство (я был там рядом и говорю уверенно: при динамике нашего тогдашнего движения форсировка Вислы не была для нас затруднительна, а изменила бы судьбу Варшавы)»¹¹⁵.

¹¹⁴ Солженицын А.И. Всероссийскому патриарху Пимену великопостное письмо // Собр. соч.: в 9 т. М.: Терра, 1999. Т. 7. С. 34–38. Польский перевод послания (М. Каневский) опубликован в «Культуре» (№ 5 за 1972).

¹¹⁵ Солженицын А.И. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни // Из-под глыб: Сб. ст. Р: YMCA-Press, 1974. С. 138–139. Солженицын писал здесь также о винах шляхетской Польши перед Россией, что станет предметом более подробного анализа в от-

27 октября 1978 Солженицын на вопрос парижской «Культуры», что может означать для христиан Восточной Европы недавний выбор поляка Кароля Войтылы на папский престол, отвечал: «В большей части благополучного мира христианство испытало развையе, в иных местах — одеревенение. Западные люди во множестве утратили ощущение масштабов жизни и сути ее. Эти масштабы и эту суть принесет в Католическую церковь, как я надеюсь, новый Папа из духовно стойкой Польши, поднявшийся сквозь притеснение христианства у себя на родине. Вместе с католиками восточно-европейских стран мы, русские, глубоко радуемся этому избранию. Мы верим, что оно поможет укреплению нашей общей христианской веры во всем мире, — только она сегодня и может спасти человечество. Поляков же хочется особенно поздравить»¹¹⁶. В телеграмме «Бастующим польским рабочим», отправленной в Гданьск 20 августа 1980, Солженицын писал: «Восхищаюсь вашим духом и достоинством. Вы даете высокий пример всем народам, угнетенным коммунистами. Ваш Александр Солженицын»¹¹⁷. Не забыл и о нас Александр Исаевич и в начале декабря 1980, когда СССР во главе с Брежневым серьезно планировал военную интервенцию в Польшу: «Кровавые последователи Ленина продолжают ломиться за своей несбыточной мечтой покорить мир — не считая, сколько народов, чужих и своих, будет перемолото и опозорено в той мясорубке. В эти дни сердце подневольного русского народа — вместе с польским»¹¹⁸.

дельной статье, где буду также писать шире о полемике с Солженицыным в 70–80-е в польских эмиграционных и подпольных журналах. В качестве краткого резюме следует отметить, что почти все, о чем Солженицын писал в этом сложном контексте, поляки относят к своим винам, но не по отношению к России, а к Украине и Беларуси. Об этом, к примеру, говорится в статье Польского Анонима «Нация — религия — миссия — ответственность», опубликованной в № 16 «Континента» за 1978 год. Добавим, что в написанном в 1959 году в Рязани киносценарии «Знают истину танки», посвященном «ПАМЯТИ ПЕРВЫХ, ВОССТАВШИХ ОТ РАБСТВА, ВОРКУТЕ, ЭКИБАСТУЗУ, КЕНГИРУ, БУДАПЕШТУ, НОВОЧЕРКАССКУ...», Солженицын описывает поведение поляка-зека Р-863 Чеслава Гавронского, члена Армии Крайовой (Armia Krajowa), которого лагерный политрук называет «профессиональным убийцей» и представителем «фашистской агентуры». На это «пан Чеслав Гавронский» отвечает: «воодушевлённо глядя вверх»: «С тех пор как Гитлер напал на Польшу, а в спину нам ударил Советский Союз, — Армия Краёва не выпускала оружия. Мы еще хотели быть друзьями Советов... Вокруг головы его, в нижнем углу экрана, проносятся видения дымящейся огненной Варшавы. Фортепианный ливень (революционный этюд Шопена). ...Но после Варшавы! После преданной ими Варшавы!!.» (Солженицын А.И. Знают истину танки: Киносценарий для экрана переменной формы // Собр. соч.: в 20 т. Вермонт; Париж: YMCA-Press, 1978–1991. Т. 8. С. 444). Я с огромным изумлением обнаружил, что в недавнем издании киносценария Солженицына фрагмент о Варшаве начиная с «Вокруг головы его...» попросту отсутствует. Ср.: Солженицын А.И. Республика труда: Пьесы и киносценарии. СПб.: Азбука, 2016. С. 465.

¹¹⁶ По-русски ответ опубликован в газете «Русская мысль» (1978. 16 нояб.), по-польски — в «Культуре» (1978. № 12).

¹¹⁷ По-русски в нью-йоркском «Новом русском слове» 1980 (22 авг.) и в «Русской мысли» 1980 (28 авг.), по-польски — в «Культуре» (1980. № 10).

¹¹⁸ Текст «Об угрозе Польше» от 4 декабря 1980 года опубликован в «Русской мысли» (1980. 11 дек.).

В сентябре 1981 Первый Всепольский съезд делегатов «Солидарности» обнародовал сенсационное — чрезвычайно дерзкое, по тогдашним меркам, «Послание трудящимся Восточной Европы»: «Собравшиеся в Гданьске на I съезд делегатов независимого самоуправляющегося профсоюза “Солидарность” передают рабочим Албании, Болгарии, Чехословакии, Германской Демократической Республики, Румынии, Венгрии и всех народов Советского Союза привет и выражение поддержки. Как первый независимый профсоюз в нашей послевоенной истории мы глубоко ощущаем общность наших судеб. Мы заверяем, что, вопреки лжи, распространяемой в ваших странах, мы представляем полноправное десятиmillionное объединение трудящихся, возникшее в результате забастовок рабочих. Наша цель — борьба за улучшение жизни всех людей труда. Мы поддерживаем тех из вас, кто решился встать на трудный путь борьбы за свободное профсоюзное движение. Мы верим, что уже скоро ваши и наши представители смогут встретиться с целью обмена профсоюзным опытом»¹¹⁹. Я еще и сегодня помню «возмущение советских людей» этим посланием, показанное по польскому телевидению, помню и грозное лицо самого Брежнева, а также возмущение других членов Политбюро — Тихонова, Горбачева, Гришина. Послание ругала московская «Правда», а по всему СССР — у нас показывали, по соседству, «возмущенный Калининград» — прошла волна демонстраций протестов. Также в Болгарии, Чехословакии и Венгрии были организованы «спонтанные» народные митинги возмущения, после которых начался шквал писем с протестами в адрес Польши¹²⁰.

Через год, в сентябре 1982, Солженицын отправил Нобелевскому комитету мира письмо с поддержкой кандидатуры руководителя профсоюза «Солидарность» на получение Нобелевской премии мира: «Мы все в долгу у Л. Валенсы — больше чем это, может быть, сознают сегодня в Европе»¹²¹. А после присуждения премии Валенсе — правда, не в 1982, а в 1983 — автор «Архипелага...» выражал огромное удовлетворение в эфире польской службы Би-би-си: «Сегодня этой премией награжден безоружный человек высокого духа, самый выдающийся борец не только за права народных масс, но и за будущее всего мира, на самом горячем участке борьбы и в самые мрачные месяцы Польши»¹²². В мае 1983, обращаясь в своей Темплтоновской лекции в Лондоне к проблеме беспощадного напора атеистического мира, порожденного Французской революцией и достигшего апогея в советском марксизме-большевизме, на мир христианский, писатель утверждал: «Боль-

¹¹⁹ Майхшак Г. Антисоциалистическое послание // Новая Польша. 2012. № 3. С. 59.

¹²⁰ См.: Там же. С. 58.

¹²¹ Солженицын А.И. Нобелевскому комитету мира (14 сентября 1982) // Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Т. 3. С. 45.

¹²² Он же. О присуждении Нобелевской премии Леху Валенсе (5 октября 1983) // Там же. С. 168.

ше полувека назад, еще ребенком, я слышал от разных пожилых людей в объяснение великих сотрясений, постигших Россию: “Люди забыли Бога, оттого и всё”. <...> Всё тот же Достоевский, судя по французской революции, кипевшей от ненависти к Церкви, вывел: “Революция непременно должна начинаться с атеизма”. Но такого организованного, военизированного и злоупорного безбожия, как в марксизме, — мир ещё не знал прежде. В философской системе и в психологическом стержне Маркса и Ленина ненависть к Богу — главный движущий импульс, первее всех политических и экономических притязаний. Воинствующий атеизм — это не деталь, не периферия, не побочное следствие коммунистической политики, но главный винт её. Для её дьявольских целей надо владеть населением безрелигиозным и безнациональным, уничтожить и веру и нацию — и то и другое коммунисты повсюду совершенно открыто провозглашают и открыто осуществляют. Насколько атеистический мир нуждается взорвать религию, насколько она ему поперёк горла — можно видеть и по недавней паутине покушений на Папу Римского...»¹²³ А на вопрос польской службы Би-би-си о весьма сложной ситуации в Польше перед вторым апостольским визитом Иоанна Павла II Солженицын отвечал с сочувствием и надеждой: «Я уже публично дважды, даже трижды, говорил о польских событиях. Моя горячая поддержка движению “Солидарности”, я думаю, достаточно известна. <...> то, что делал Лех Валенса, меняло историю — не Польши, и не Европы, а всего XX века. В моей статье в “Экспрессе” о введении военного положения в Польше¹²⁴ я показывал, что, вот, в любой стране Европы можно найти достаточно людей, готовых поддерживать палаческий режим. Это произошло и с внутренними силами в Польше. Я не настолько информирован о положении и настроении разных польских кругов, чтобы дать вам сейчас точный прогноз, в какую сторону пойдут события, как повлияет визит Папы в июне, какую позицию займет польская Церковь — более строгую или менее строгую. Но я хотел бы сказать, что польские события по своему значению выходят далеко за пределы Польши. Польские события показывают нам, до какого размаха может дойти самоосвобождение народа. А в том исключительном интересе и волнении, с каким Запад воспринимает польские события, видно не только глубокое сочувствие к польской “Солидарности”, но и успокаивающая надежда, что как-нибудь обойдется без усилий Запада, как-нибудь Восток освободит сам себя, а тем освободит и Запад от угрозы»¹²⁵.

¹²³ Он же. Темплтоновская лекция. «Вестник Русского христианского движения». 1983. № 139. С. 90.

¹²⁴ Он же. Главный урок: Статья для журнала «Экспресс», 15 января 1982 // Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Т. 3. С. 7–10. Польский перевод текста опубликован в краковской подпольной «Арке»: *Solżenicyn A. Podstawowa lekcja* // *Arka*. 1986. № 13. S. 52–54.

¹²⁵ Он же. Пресс-конференция в Лондоне (11 мая 1983) // Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Т. 3. С. 106–107.

Это были действительно трудные времена: я тогда заканчивал под научным руководством отважного профессора Рышарда Лужного дипломную работу о философско-общественной мысли Солженицына, которую защитил в июне 1983, еще до прибытия Папы, и слушал эти слова Солженицына с благодарностью и надеждой. Эта надежда сбылась в 1989–1991-м, а русский писатель успел еще поддержать организованный 6 февраля – 5 апреля 1989 года польский круглый стол, после которого начался действительный закат коммунизма в Польше и всей Центральной Европе. Тогда же началась новая эпоха в восприятии философско-политической мысли Александра Солженицына в Польше, что — ввиду сложности вопроса — заслуживает описания в отдельной статье.